

КР
66.3(2)61
Г394

ТЕРОИ НАШИХ ДНЕЙ

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

1320

Копия перед выдан

RR

33107

Г-397

509434-438.

к.р.
66.3(2)61
Г 394

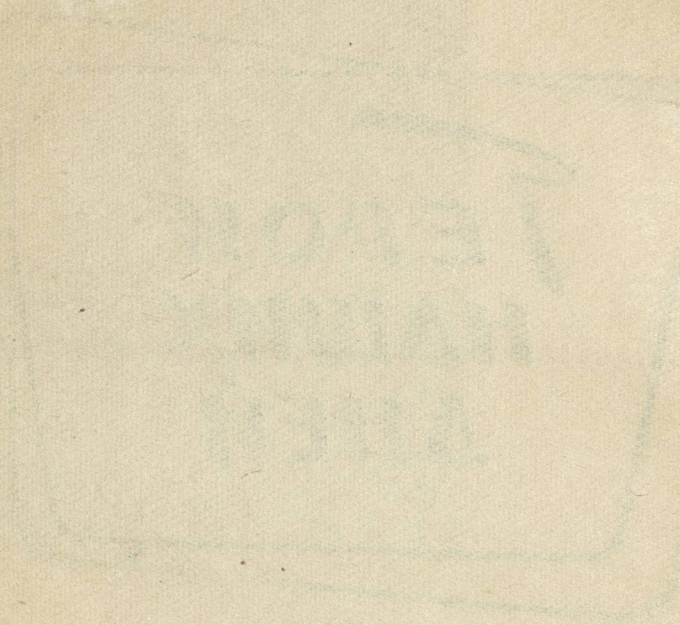
ТЕРОИ НАШИХ ДНЕЙ

509438

О Ч Е Р К И

РЯЗАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1961

85,4 16 01 22

6
7
8

Коммунистическая партия в своей новой Программе, принятой XXII съездом КПСС, торжественно провозгласила:

— Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!

Партия, говорится в Программе КПСС, исходит из марксистско-ленинского положения: народ — творец истории, построение коммунизма — дело рук народа, его энергии, его разума. Победа коммунизма зависит от людей, и коммунизм строится для людей. Каждый советский человек своим трудом приближает торжество коммунизма. Успехи коммунистического строительства несут изобилие и радостную жизнь всем, еще выше поднимают могущество, честь и славу Советской Родины.

Весь многомиллионный советский народ воспринял Программу партии, решения XXII съезда КПСС как свое родное, кровное дело, как величественную цель своей жизни и знамя всенародной борьбы за построение коммунизма. Под руководством Коммунистической партии и ее ленинского Центрального Комитета советские люди с огромным энтузиазмом и творческим подъемом претворяют в жизнь величественную программу строительства нового, коммунистического общества.

Активное участие во всенародной борьбе принимают и трудящиеся Рязанской области, внося достойный вклад в великое дело строительства коммунизма. Светлое, счастливое, коммунистическое утверждается созидательным трудом рабочих, колхозников, интеллигенции уже сегодня на заводах, фабриках, в колхозах, совхозах, на стройках, в институтах, школах, лабораториях, в каждом уголке нашей Родины, на каждом участке великого

наступления. Новое, коммунистическое побеждает не только в труде, в росте его производительности, но и в сознании масс, в повседневной жизни, в быту, в отношениях людей. В пафосе гигантского строительства и созидания растет человек нового, коммунистического общества.

В настоящем сборнике очерков о героях наших дней, подготовленном рязанскими журналистами, писателями, работниками издательства по призыву редколлегии газеты «Правда» к XXII съезду КПСС, рассказывается о замечательных людях, новаторах нашей области, которые своим трудом, активным участием в общественной жизни строят светлое коммунистическое общество.

ВПЕРЕДСМОТРЯЩИЙ

Демобилизовавшись, он долгое время ходил вперевалку, широко расставляя ноги, будто опасался, что земля того и гляди даст крен. Трудно было привыкать к ней после многих лет морской службы, трудно было удержаться недавнему мичману от того, чтобы не вскинуть руку к фуражке, не поприветствовать с особенным флотским шиком встречного офицера. Потом это прошло, лишь юморок, настоянный на дружбе морской, просоленный неласковыми ветрами, на всю жизнь сохранил Павел Румян-

цев, ныне монтажник-строитель.

Я разбудил его раньше будильника, заведенного «на партийное бюро», и попросил, чтобы он коротко рассказал о своей службе, фронте. Без этого, казалось мне, не будет полного представления о человеке. Пошутил, запоздало пожалев, что не дал ему выспаться после ночной смены:

— Очеркист живет по готовности «раз».

— Не позавидуешь, стало быть, опять без берега, — принял шутку Павел, прискакивая на одной ноге, а другой стараясь угодить в широченные брюки, — а я, понимаешь, перешел сегодня на готовность «три», из графика выбился и улегся в двенадцать дня.

Мы знакомы с Павлом Румянцевым всего несколько

дней, но как-то незаметно сблизились, быть может, оттого, что выяснили, к общему нашему удовольствию, поразительное сходство в судьбах: оба родились в Сибири, оба в один месяц и год, в одно время ушли на флот, служили на Тихом океане и разъехались, ни разу не встретившись. Теперь вот сидим, разглядываем друг друга и вспоминаем былое... Настойчиво стараюсь выпытать что-нибудь героическое, с тем чтобы потом осветить им свой очерк, чтобы виден был монтажник Румянцев весь, с прошлым и настоящим.

— Это правильно: человек без прошлого, как дом без фундамента, — соглашается Павел, говорит, должно быть, желая сделать мне приятное: — Удивительный город Владивосток, в ином месте, ты же знаешь, залив вдается прямо в улицу, лижет волнами фундаменты домов...

А я говорю о Рязани, о том, что улицы здесь широкие и прямые, совсем не такие, как в городе моей юности: там они круто взбираются на сопки, извиваются, прижатые к морю. И он согласно кивает мне... Хорошо писать о человеке, который с полуслова понимает тебя, и ты его понимаешь. Это естественно, ведь так много общего, близкого нам обоим, представителям одного поколения. Мне хочется узнать как можно больше о Павле, о том, как он рос, что испытал, попав на фронт... А он, сам того не замечая, рассказывает о своем убитом на войне «кореше»... Должно быть, сильная дружба связывала их в то тревожное и тяжелое время.

— Песню любил, помнишь, все мы в войну ее пели:

Нас в пехоту сражаться послали,
Беззаветных морских сыновей,
Только мы бескозырки не сняли
И не сняли тельняшки своей...

Помню. Как не помнить, если песню эту написал друг моего друга, капитана третьего ранга Юры Чернова, — девятнадцатилетний моряк Володя Ефименко. Теперь всегда девятнадцатилетний... Я помню, как уходили в сумрак тумана десантные корабли, помню друзей, которые не вернулись...

— А вообще-то случаев у меня, как у запасливого сверхсрочника вещей в рундуке, — неожиданно заявил Павел, и я отлично понял его уловку. Загорелый как

после большого перехода с дивизионом охотников — остались лишь светлые лучики, бегущие от глаз к вискам, — он улыбочиво шурился: — Значит, так. Прибыли мы на передовую, все честь честью: укрепились, посты расставили; кок, само собой, у котла с кашей пританцовывает. И только было взялись за ложки, как вдруг будто поросенка с неба спихнули — взвизгнуло в воздухе!.. А это, понимаешь, фашист в нас снарядом запустил, шмякнулся прямо в кашу — котел в черепки, а мы к машинам. Ничего, обошлось: машины-то с горючим хорошо замаскировали...

Теперь он говорил каким-то шутливым тоном, словно бы подтрунивая над собой, — ни дать ни взять флотский Теркин в долгосрочном отпуске — послушаешь его — не на фронте человек побывал, а на увеселительной прогулке! Правда, после этой прогулки ранение осталось («Так себе, царапина», — уточнил Павел) и медаль «За боевые заслуги». С такой же лукавой усмешкой рассказывал он и о своих первых шагах на стройке. Вспомнил, как по неопытности влип в расплавленный битум и потом щеголял в валенках с блестящими носками.

— Вроде бы салажонок по первому году службы — носки для начальства надраил, а задники и так сойдут! — посмеивался он, явно избегая рассказывать о своих трудовых достижениях. Мол, чего там — обычное же дело: ну, стал монтажником, потом и каменщиком, нельзя же рабочему человеку без профессии.

Шутки шутками, а совсем нелегко было привыкать демобилизованному к новой обстановке: специальности гражданской нет, институтов не кончал — какие там институты! Служил срочную, воевать надо было, потом на сверхсрочную остался, думал всю жизнь прослужить на флоте... Начинал с азов, с подноски битума, словом, на подхвате — куда пошлют, а ночами над чертежами сидел, вникал в сплетение ломаных линий, старался разобраться, что там к чему. С непривычки голова кругом. Другой раз сидит-сидит Павел над раскладкой блоков, глаза начнут слипаться, окатит голову водой — и снова за карандаш. Нелегкое это дело быть учеником, когда тебе под сорок и семья внимания требует.

— С женой в театр надо бы, в кино, понимаешь, после работы ей хочется, а тут еще младший сынишка не

у дел — мелочи быта — в садик невозможно устроить.

— Устроил все-таки?

— Да теперь вроде бы и ни к чему: через год в школу пойдет.

Разговаривая, он как-то незаметно оделся. Было видно, что спешил куда-то, но, как и полагается вежливому хозяину, ни разу не взглянул на будильник. Тот сам напомнил о себе: вдруг неистово зазвенел, и Павел, улыбнувшись, сказал, что у них в управлении на три часа намечено партийное бюро. Я воспользовался подходящим моментом и уточнил его «общественные нагрузки»: член бюро, постоянный агитатор, заведовал агитпунктом во время выборов, активный рабкор...

— Вот заметку в нашу многотиражку надо занести, кое-кому память освежить, — сказал Павел, и глаза у него при этом недобро блеснули, — ведь искусственное торможение строительства получается, неужели не понимают люди? Ладно, раньше слабовато строили, иногда не то, что надо: какой-нибудь стадион или Дворец культуры в поселке мест на тысячу, а там и населения-то триста человек! Теперь на жилье переключились. Хорошо, только вот медленно еще строим, при нашей технике быстрее надо бы.

Выходило, что сын остался вне садика по его, Румянцева Павла, вине. Он и не жаловался, досадовал... на свою медлительность. Говорил, что если хорошенько заняться внутренними резервами, то дома, как по конвейеру, выдавать можно — вот тебе и лишние квадратные метры, и садики.

Аведь строят они не так уж и медленно, прямо скажем, замечательно строят, не зря каждый их новый ружей радуется глаз кумачовым лозунгом:

«Здесь работает бригада монтажников тов. Алешина В., которая борется за получение звания бригады коммунистического труда».

Хорошие, беспокойные люди трудятся в бригаде, подтрунивают над своим бригадиром, над его виртуозным умением оказываться именно там, где он больше всего нужен, удивляются:

— Василий Иванович, и как ты выдерживаешь такой темп?

— Очень просто: прихожу домой, отбрасываю ноги — и мертв! — отшучивается он, а сам уже на втором эта-

же, у черта на куличках, стоит фертом, инструктаж наводит, а то и раствор на ощупь пробует.

Невысокий и подвижный, он, казалось, был собран из одних шарниров: стоило большого труда поспеть за ним и при этом не угодить в раствор или не набить на лбу шишку. Смеется:

— В нашем деле так, всюду поспеть надо... Насчет передовика производства? Я против, против отдельного показа, если печатать, так всех, потому как у нас все заслуживают внимания. Взять, скажем, Румянцева. Хороший мужик, коммунист, монтажник-звеньевой, каких поискать. Или тот же Дюдяев, или Ермаков, два Василия — Иванцов и Мишин...

— Послушайте, так ведь у меня вместо очерка список получится!

— Ну и все другие... Так будет хорошо: другие, значит, уже не индивидуально, а вся бригада в целом. Комплексная она у нас: сейчас монтажник, а надо по ходу дела — каменщик, словом, в целом вся бригада борется — так будет правильно.

В рассуждениях этого не слишком щедрого на «индивидуальные» похвалы человека было довольно веское рациональное зерно: иногда увлекаемся мы маяками, забываем о том, что есть еще и корабли... И все-таки было приятно, что бригадир так тепло отозвался о Павле Румянцеве. Раскрою один профессиональный секрет: любовью из нас, решив написать о хорошем человеке, всегда уже чуточку влюблен в него. Это очень важно — иначе бросай писать, ничего у тебя не получится... Вот почему я не стал составлять списка всех передовиков производства, а на другой день, с первым лучом солнца, снова поехал на стройку.

Стрекочет выхлопом юркий морской катерок с ласковым именем «Жучок», вот-вот покажется его кургузый нос из-за ближайшего мыса; слышатся привычные уху моряка: «Вира!», «Майна!»... Иллюзия настолько полная, что стоит закрыть глаза — окажешься в портовом городе. Но нет, мы с Павлом на строительной площадке, не корабли выстроились в кильватер — многоэтажные дома, не катер — гусеничный подъемный кран стрекочет, а «Вира!» — командует монтажник. Вот он, припудренный цементом, стоит как изваяние с поднятой рукой... Павел смеется:

— Уморил нас сегодня сторож. Подошел, послушал наши «вирамайнания» и поинтересовался: «А что, ребята, вы не только дома монтируете, но иностранный язык изучаете?» Ребята — вповалку, животы надорвали!.. — Павел уже не смеется — хохочет, по-мальчишески кулаком вытирая выступившие слезы. — А мы ему: «Что ты, дедусь, по-русски строим, вира — для гарнира...» Так со смехом и завели стену.

И не поймешь, отчего у него покраснели глаза — от смеха или ночная вахта сказывалась, только как я ни старался — не уловил в его голосе даже нотки усталости, желания поскорее «отбросить ноги». Видно, и впрямь на всю жизнь запасся флотской веселостью этот человек.

Но он умел, когда надо, быть очень серьезным, даже суровым.

Заводы, поставляющие детали на строительные площадки, по сути дела, поставляли брак: неровные плиты, кривые блоки. Румянцев один из первых заявил, что так больше продолжаться не будет, выступил на своем партийном собрании, в совнархозе, был приглашен на пленум горкома партии. Он говорил о том, что пора прекратить это безобразие, что если их бригада будет своевременно обеспечена доброкачественным материалом и в определенной последовательности, а не так, как раньше, — сначала идут карнизы, а за ними блоки для фундаментов, — то скрытые резервы станут явными. Секретарь обкома спросил:

— Ну, а если все будет, за месяц смонтируете дом?

— Сделаем, — сказал Павел, и это слово прозвучало, как флотское «Есть!»

Не в горячем пылу, не ради красного словца было сказано это. Бригада, вся целиком, детально обсудила скрытые резервы в строительстве и послала Румянцева на пленум горкома своим полпредом. Он говорил от имени всех.

Речь шла о многоквартирном доме № 41. Бригада построила его за двадцать восемь дней. Это было ее подарком XXII съезду нашей партии, Павла Румянцева подарком.

Большое, современное здание за четыре недели!.. И это ничуть не поражает нас, советских людей, кажется обычным, обыкновенным. Не в этой ли обычности залог неодолимого движения нашей Родины туда, к заветной

цели? Пожалуй, именно в этом... Ведь даже полеты Юрия Гагарина и Германа Титова в космос для нас — закономерность...

Поселок Городская роща вырос на голом месте. Многоквартирные здания красуются там теперь, и, как это ни парадоксально на первый взгляд, но один из этих гигантов собственноручно построил один человек. Нет, это не мистика — простая арифметика: тридцать третья часть построенного бригадой построена Павлом Румянцевым.

А он еще и недоволен: мол, теперешний их метод строительства — вчерашний день...

— Был я в Москве на учебе недавно, вот там — да, действительно монтаж! Зацепишь краном целую стену вместе с окном и дверью — и на этаж... Скажи, пожалуйста, даже в рифму получилось! — улыбнулся Павел, отчего светлые лучи у глаз собрались в снопики. — Просто завидно, как по нотам разыграно.

По ассоциации разговор перекинулся на поэзию, на прозу. Вспомнили Есенина: «Душевно писал человек!» Поговорили о шолоховской «Поднятой целине», фильм Павлу очень понравился. А когда я сообщил, что у нас в Рязанской области, в деревне Иконино, живет писатель Федор Шахмагонов, один из сценаристов этого фильма, то разговор и совсем выбился из «строительного» русла: замечательным председателем был Давыдов, побольше бы таких...

— Встретил на днях одного, говорит, невозможно хозяйство выправить, колхоз, дескать, запущен. Его б в Гремячий Лог, вот запел бы! — усмехнулся Павел. — Понимаешь, не верю я, чтобы нельзя было хозяйство того колхоза поднять, да что там, не люди что ли?

Я в шутку сказал:

— Вот и поезжай в деревню, подними.

Видно, за живое задел — нахмурился Павел и, помолчав, признался:

— Просился — не вышло: грамотешка, понимаешь, подвела. Теперь, брат, и председатели с высшим образованием.

Подумалось, что из этого монтажника с его убежденностью, пожалуй, вышел бы неплохой председатель. Впрочем, он и на стройке не лишний. Было приятно сознавать, что с тобою рядом, плечом к плечу, трудятся

такие упрямые люди: до всего им дело, все им хочется поднять своими руками.

— Вот вы говорите, что печать должна помочь, — вдруг перейдя на официальный тон, заявил Румянцев и как-то пристально посмотрел на меня. — Бригада, само собой, старается, наш Василий Иванович волчком по коробке, во всякую щель вникает, смотрит, чтобы работы хватало на все три смены, чтобы не было простоя. Да и каждый так. Взять, к примеру, Петра Ромашова, очень он за качество болеет, как чуть, говорит: «Не забрили межблочные отверстия — не буду раствор кидать». Ясно? А ведь как завод поступает? Дает иной раз такие плиты, что мы на каждом доме двадцать человеко-дней на рубке гробим. Да что там, не люди что ли? Вот об этом писать надо.

Было раннее утро, искрились под солнцем окна новых домов; красиво вписавшись в голубое небо, медлительно и важно двигались стрелы пятитонных кранов, плавно несли отлитые из бетона блоки, безропотно подчиняясь мановению человека с поднятой рукой. Скульптора бы сюда: здесь человек не позирует — строит...

— И ведь пустяк нужен, — проникновенно продолжал убеждать меня Павел, будто я снабжал их бригаду не всегда качественными блоками и плитами. Вооружившись острой щепкой, он чертил на песке какие-то замысловатые фигуры, подсчитывал: — Нужны метровые плиты, на метр двадцать, на восемьдесят сантиметров — и никаких тебе отверстий. Результат сразу скажется в быстроте монтажа и экономии стройматериала... Пойдем лучше ко мне, я там на бумаге все как следует изображу.

В том, что Павел изобразит на бумаге «все как следует» у меня нет сомнений: в прошлый раз видел чертежи, которые он хранит как память о бессонных ночах учебы. Под каждым из них выведена цифра «5», выведена красным карандашом преподавателя. Можно было бы написать многие страницы о том, чего стоила Павлу каждая из них, но тогда очерк наверняка перерос бы в роман... В самом деле, а почему бы не написать роман о простом рабочем парне, роман об обыкновенном советском человеке, моем современнике?.. Написать так, чтобы все было как следует... Что же характерно для него? Быть может, то, как однажды в ливень он бросился спа-

сать фундамент будущего дома, как передрог, бродя в воде чуть ли не по пояс?

— А стоит ли об этом? — возражает Павел. — Ведь воду-то мы тогда все равно не остановили.

По-моему, стоит: дом построен, и в нем сейчас живут люди, которые не жалуются на качество своих квартир. Невольно вспомнилось, как разыскивая бригаду Алешина, я разговорился с одним из новоселов, седоусым пенсионером, и тот весьма одобрительно отозвался о строителях крупноблочных домов. Не обошлось, правда, и без критики, но эта критика относилась не к строителям, а к тем, кто создает проекты малометражек: «И ведь до чего додумались — вместо нормальных форточек—дыры под окнами понаделали, как в крольчатниках. Ни удобства, ни красоты — так, голая экономия!»

Надо сказать, желчный старик попался, язвительный, только и он не смог испортить хорошего впечатления от новых домов, подумалось о том, что лет пять назад этот доморощенный архитектор наверняка не был столь привередливым...

Мы идем с Павлом по новым улицам, широким, просторным. Они отлично распланированы, и даже кое-где еще недостроенные дома, без крыш и стекол, не нарушают общей гармонии. Это совсем не те дома, срезанные по пояс снарядом; недостроенные, пахнущие свежим тесом и красками, они несут в себе что-то очень волнующее. В них будут жить люди. Пройдет совсем немного времени, и окна этих домов украсятся живыми цветами, как вон те, залитые солнцем... Хорошо, когда в окнах цветы. И мне немного неловко оттого, что в общей сложности я отнял у Павла несколько часов, отведенных для заслуженного отдыха. Решаю, что больше не буду его тревожить, а сам присматриваюсь к нему, стараюсь запомнить выражение глаз, осанку, походку, мысленно пишу портрет своего современника, того самого, которому суждено осуществить Программу нашей партии и, в частности, «разрешить самую острую проблему подъема благосостояния советского народа — жилищную проблему»... Я кровно заинтересован в этом, и мне хочется так же весомо и зримо почувствовать результат своего труда, чтобы и он лег надежным блоком в здание коммунизма, где каждая семья имела бы «благоустроенную квартиру, соответствующую требованиям гигиены и куль-

турного быта»... Вот если бы репинский талант, чтобы так же сильно вскрыть в рабочем человеке его духовное богатство и красоту... А я пишу: светлые брови, голубые глаза... Да ведь полчеловечества ходит с голубыми глазами!.. Нет, Василий Иванович, нужен индивидуальный показ, только очень трудно это, как трудно было расщепить атом: из атомов состоит Вселенная...

Мы засиделись в доме у Павла. Я, должно быть, извел его вопросами, но он лишь улыбочиво шурился, отвечал обстоятельно и дельно. Выгодно ли строить крупноблочные здания, ведь при этом расходуется так много дорогостоящего цемента? Выгодно до тех пор, пока не будет освоен новый метод строительства. Возможно ли смонтировать дом раньше, чем за четыре недели? Возможно. Каковы планы на будущее у него, у Павла Румянцева? Эти планы записаны в Программе нашей партии. Они полностью соответствуют его личным планам.

...Троллейбус, набрав скорость, плывет по улице-стреле, дома проплывают мимо. Они представляются мне кораблями, идущими в кильватер друг другу. Вижу я: стоит на мостике флагмана Павел Румянцев, впередсмотрящий. Это совсем не по морскому уставу, не положено мичману исполнять обязанности матроса. Что ж, разве дело в рангах? Важно, мичман Румянцев по-прежнему, как в былые времена, стоит на вахте, смотрит вперед.

ЧЕЛОВЕК УКРАШАЕТ ЗЕМЛЮ

Дробью рассыпался долгожданный звонок, и ребята, точно птенцы из гнезда, вспорхнули с парт, с шумом выбежали на лужайку. Как усидишь в стенах, когда на улице весна. Солнце, солнце какое яркое и горячее! Последние дни учебного года.

Только Алешка Кирюшин со своим закадычным другом Сережкой не торопятся домой. Они зашли в школьную библиотеку: и тот и другой уж очень любят книги и особенно про деревню.

Библиотекарша, старая учительница, приветливо встретила своих постоянных читателей.

— Некрасова вы читали. Толстого? Тоже. Почти все книги перебывали у вас, — говорила библиотекарша, перебирая на стеллажах книги. — Пойдите, пойдите, друзья! Вот интересная книга — Сергея Есенина. В ней и про наше село описано... Возьми, Леша, почитай.

Лешка положил в портфель небольшую книжку и пошел домой. Он распахнул дверь и с порога крикнул:

— Нет, вы послушайте, про наше село стихи сочинили! — от возбуждения и гордости «первооткрывателя» у него горели глаза. — Не верите? Почитайте...

Он подбежал к отцу и положил на колени изрядно потрепанную книжицу.

— Ну и пострел! Дай хоть чайку попить спокойно! —
прикрикнула на него мать, ставя на стол сверкающий,
клокочущий паром самовар.

Алешка подсел к отцу и стал листать страницы.

Я шел по дороге в Криушу
И тростью сшибал зеленыя...

— Тут и еще есть. Сейчас разыщу...

И неуверенно, срывающимся голосом, но с чувством
читал:

Но вот и Криуша...
Три года
Не зрел я знакомых крыш.
Сиреневая погода
Сиреню обрызгала тишь.
Не слышно собачьего лая,
Здесь нечего, видно, стеречь —
У каждого хата гнилая,
А в хате ухваты да печь...

— И верно, про нашу старую жизнь... И где только
разыскал, — сказала Устинья Андреевна, вытирая поло-
тенцем посуду. — Кто же сочинил так правдиво и
складно?

— Сергей Есенин,—пояснил Дмитрий Климанович.—
Из-под Рыбного он, а учился у нас, в Спас-Клепиках.
Ну и Криушу, как видно, наведывал. Мужики рассказы-
вают, он страсть как любил нашу Мещеру.

А сын, ободренный похвалой, продолжал читать:

...Но люди — все грешные души.
У многих глаза — что клыки.
С соседней деревни Криуши
Косились на нас мужики.
Житье у них было плохое —
Почти вся деревня вскачь
Пахала одной сохою
На паре заезженных кляч...

— Вот так, сынок, и жили криушане. — Дмитрий
Климанович поднялся из-за стола и как равного, как
мужчину, похлопал Алешку по плечу.

— А теперь у нас новая деревня, и нам с тобой надо
сделать ее цветущей, чтобы другие поэты по-иному вос-
пели нашу родную землю. А для этого надо всем серд-

цем полюбить ее, почувствовать ее запах, приложить к ней руки. Вот подрастешь, и будем с тобой вести хозяйство по-новому, на научной основе... А теперь айда с ребятами на конюшню. Будешь навоз на поля возить.

Мальчишка рад: лошадь — его страсть. Да и в работе ловок, крепкий, сильный.

Все лето и пропадает Алешка, сын заместителя председателя колхоза, то в поле — за плугом, то в лугах — на сенокосе. Ишь как загорел — точно из бронзы слитый. А то с друзьями убежит в лесную глушь на озеро Великое. Вернется домой под вечер с большой низкой карасей.

Но самое интересное, конечно, ночное. Сидит с друзьями у костра. Языки пламени лижут сухие, трескучие сучья. Пахнет дымом и печеной картошкой. Где-то в темноте фыркают лошади. А над головой — звездный купол. И мечтает быть таким, как отец, — сильным, ловким, рачительным хозяином, украшающим землю.

А годы летят и летят. Еще вчера с ребятами босиком, засучив штаны, бегал по теплым дождевым лужам, а сегодня...

— Сегодня, друзья, вы покидаете стены нашего техникума, — взволнованно говорит директор. — Молодой отряд специалистов, который призван сказать свое слово в преобразовании сельского хозяйства... Вы — проводники и застрельщики нового, передового в колхозной деревне...

— Алексей, тебя куда? — шепотом спросил Сергей Шабров.

— В Ижевское, в совхоз «Яльдино». А тебя?

— Да еще не знаю...

— А ты, Михаил? — толкнул Кирюшин локтем соседа.

— Я, брат, далеко махнул, — засмеялся Митин. — Да вот жаль «Варские-Шумашь». Привыкли... Прощай, голубая Ока!

— Отставить разговорчики! — строго крикнул оратор, постучав карандашом по графину.

...Выпускной вечер, гуляние в душистых травах до восхода солнца, — и разлетелись дружки, кто куда. Это было в начале сентября сорок первого, а в октябре зоотехника Алексея Кирюшина призвали в армию, научи-

ли, как истреблять вражеские танки, и послали на фронт, в гвардейскую дивизию. Жаркие бои под Мценском, Брянском. Ранение. Госпиталь. И снова — в действующую. На этот раз — в отдельный понтонно-мостовой батальон. Под огнем противника наводили переправу через Цну и Сейм, Днепр и Припять...

И случилось же: в страшном пекле, военном пожаре, охватившем тысячи километров, встретил своих дружков по техникуму, зоотехников Сергея Шаброва и Михаила Митина, в солдатских шинелях. Встретились, и не о войне, смерти, она — в двух шагах, а о жизни, о будущем, о земле рязанской повели речь бойцы...

Кирюшин закончил войну в Чехословакии, на реке Андива, а Сергей и Михаил не вернулись домой — погибли.

— Что ж, сынок, будешь делать? — спросила мать, с гордостью разглядывая на выцветшей, просоленной пóтом гимнастерке сына орден Красной Звезды и две медали «За отвагу». — Твой брат, пулеметчик Александр, тоже награды имеет... Вот какие орлы выросли... Так улетите и о гнезде не вспомните.

— Что ты, мать. Я так по Мещере соскучился. Ведь четыре года не был в родных краях — сердце истомилось. Отдохну малость, и за дело. Люблю землю, деревенскую жизнь люблю.

Алексей подошел к окну, распахнул его настезь, и запах смолистой хвои и увядающих трав ворвался в избу. С радостью, как любимой подруге, улыбнулся березке, которая стала стройней и выше и весело шумела густой листвой. И сразу, как в далеком детстве, пришли на память стихи Есенина:

Зеленокошая, в юбочке белой...

В Рязани, в управлении сельского хозяйства, куда пришел Алексей Кирюшин, ему сказали:

— Поедешь в Рыбное, зоотехником Дивовского зооветучастка.

Через год перевели в районный отдел сельского хозяйства.

— Будешь заниматься племенным делом, — определили в отделе, — выращивать коней. Знаешь, какое значение им придает товарищ Буденный?

И Кирюшин выращивал племенных рысаков. На бегах в Рязани они брали призы. В Москве, на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, любовались конями из Рыбного... А потом Алексею Дмитриевичу посоветовали стать старшим зоотехником инкубаторной станции.

— Надо выращивать цыплят. Пусть на столе в каждой семье будет больше яиц и курятины.

Через некоторое время коммуниста Кирюшина утвердили заведующим отделом сельского хозяйства Рыбновского райкома партии.

Руководить сельским хозяйством, раздумывал Кирюшин, дело ответственное. Это не просто сидеть в кабинете и писать директивы, поучать председателей и агрономов колхозов, когда сеять, когда убирать хлеб, на какую глубину пахать, доказывать пользу удобрений. Хлеборобам известно все это не хуже, чем ему, заведующему отделом райкома. Главное — глубоко знать процессы, происходящие в деревне, уметь дать им правильную оценку, верное направление. А для этого надо быть всегда в гуще жизни. И Кирюшин почти все время находился в колхозах: изучал людей, изучал передовой опыт, обобщал и распространял его. Работа в райкоме, а затем секретарем партбюро МТС явилась хорошей партийной школой для молодого коммуниста. Он получил закалку, показал себя способным организатором масс, инициативным работником.

Бывая в колхозах, Алексей Дмитриевич видел, как много еще надо сделать, чтобы земля давала высокие урожаи, чтобы в лугах паслись тучные стада, чтобы коровы приносили много молока.

Заехав как-то в Криушу, Алексей был немало удивлен, что отец его, работавший в леспромхозе, стал председателем колхоза.

А в феврале пятьдесят четвертого Алексей Кирюшин по примеру отца тоже перешел на передний край — его избрали председателем колхоза имени Куйбышева, Рыбновского района.

Узнал отец, обрадовался. И началось негласное соревнование отца с сыном: чей колхоз будет лучше, кто получит выше урожай, у кого тучнее стада, кто продаст государству больше молока и мяса, кто шире внедрит в производство механизацию, облегчит труд людей, у кого полновеснее колхозный трудовень.

Соревноваться! Легко сказать. У отца хозяйство экономически крепче, да и опыт у него какой! А здесь...

Пришел Алексей Дмитриевич в правление. Бухгалтер раскрыл перед ним книги. Цифры сказали о многом: в 1953 году урожай зерновых 4,5 центнера с гектара, овощей 30 центнеров. В графе «Кукуруза» стоял прочерк. Выдано на трудодень по 200 граммов хлеба.

— Сколько получено дохода?

— Да какой там доход!

Тяжел, слишком тяжел груз взял на свои молодые плечи коммунист Кирюшин. Закрадывались сомнения: «Справлюсь ли? Не подведу ли колхозников?»

Эта мысль проскользнула в разговоре с отцом, который приехал навестить сына. Старик был непреклонен:

— Да как ты можешь допускать такие думы?! А знаешь пословицу: кто после трех шагов начал жалеть, что пошел в гору, тот не поднимется и на маленький холм. Запомни это.

— А разве я что сказал? — спохватился Алексей Дмитриевич. — Ничего, сдюжим, отец.

Обходя поля, отец и сын остановились на берегу Вожи, что голубой лентой вилась по зеленому ковру цветущих лугов.

— Ты изучал историю, Алексей, — сказал отец. — Помнишь: много веков назад на этой реке наши предки крушили войска Золотой орды. Битва шла на левом берегу, между селами Ходынино и Баграмово. Карл Маркс писал об этой битве: «Это первое правильное сражение с монголами, выигранное русскими». Земля, на которой ты будешь возделывать хлеб, полита кровью наших предков. Помни об этом! Помни и борись. Тебе тоже придется вести бой, но не с вооруженным врагом, а с отсталостью, косностью, бой за хлеб, за мясо, за еще лучшую жизнь людей на берегах Вожи.

И бой начался.

Собрали коммунистов, хотя их было на селе не так уж много, посоветовались, как вести наступление, как выиграть битву. Наступление начали по всему фронту, используя новые резервы.

За околицей Перекаля бежит светлая Быстрица, неподалеку — Вожа. А между ними десятки гектаров бросовой земли. Раскорчевали залежи, посадили капусту, огурцы, лук. Вода рядом. Получили хороший урожай.

Продали овощи — пополнилась колхозная касса. Восстановили запущенный фруктовый сад. За это дело взялся коммунист Алексей Петрович Андреев.

Строгий учет расходования кормов, меры поощрения за получение высокой продуктивности скота, ежегодное авансирование колхозников, посев кукурузы — все это создавало предпосылки для резкого скачка вперед. На животноводческих фермах появилась новинка — автопоилка. Облегчен тяжелый труд доярок. Колхозники работали дружно. А вскоре в село вернулись и попросили снова принять в артель ранее ушедшие колхозники.

Колхоз имени Куйбышева шел на подъем. В пятьдесят седьмом его объединили с ходынинской артелью «Путь Ленина». Некоторые колхозники опасались, как бы ходынинцы не потянули назад куйбышевцев, ведь у них экономика хозяйства слабее. Нет, тормоза не было. Локомотив набрал скорость и уверенно шел вперед.

Через два года, осенью пятьдесят девятого, пожелали объединиться с куйбышевцами члены артели «Знамя коммунизма». Земли столько же — 3500 гектаров, а доходу у соседей в шесть раз меньше.

Пусть первое время и будет трудно, но зато перспектива какая, размах какой! Коммунист Кирюшин смотрел вперед, видел будущее.

Девять деревень живут нынче единой дружной семьей. На многие километры раскинулись владения артели. Только одной пашни 3535 гектаров, а всей земли — 6811. Есть где развернуться машинам, есть куда приложить науку и передовой опыт. Об этом, главным образом, и думал Кирюшин. У него, зоотехника, партийного работника, развито драгоценное качество руководителя — чувство нового.

На фермах стало больше коров, свиней, овец, птицы. Запевалами в борьбе за подъем животноводства явились коммунисты и комсомольцы, они работают на всех фермах. Повысились удои молока, увеличились привесы свиней и крупного рогатого скота на откорме. Колхоз вышел в передовые.

Но Кирюшин снова обеспокоен.

— Дорога себестоимость мяса, — говорил он на партийном собрании. — Какой же выход? Выход — в новой технологии ведения животноводства. Надо идти по

линии механизации трудоемких процессов, как того требует наша партия.

Так думал каждый коммунист.

Слышал Кирюшин, что где-то свиней держат не в клетках, а в общем дворе. Говорят, очень выгодно: одна свинарка может выращивать за год более тысячи свиней, высвобождается много площади.

Случайно во время отдыха в Кисловодске Алексей Дмитриевич познакомился с директором одного из совхозов Смоленской области. Встретились два хозяйственника, два руководителя. Ну, конечно, сразу же разговор о коровах, о надоях, об откорме свиней.

— Мы уже давно ввели бесстаночное содержание свиней на откорме, — сказал директор. — И знаете, выгодно...

Вернулся домой Кирюшин, пришел в правление.

— Ну, какой подарок, Алексей Дмитриевич, привез с юга? Показывай, — смеялся секретарь парткома Мордвинов, пожимая руку председателя.

— Привез, Алексей Иванович, — улыбнулся Кирюшин, достал из кармана лист бумаги и положил на стол. — Вот гостинец из Кисловодска. Один отдыхающий подарил.

Это был чертеж свинарника для бесстаночного содержания животных.

— Новинка для нас. Давайте посоветуемся, — предложил Мордвинов.

Коммунисты поддержали хорошую затею председателя.

На Ходынинской свиноводческой ферме колхозные плотники вместе с механизаторами быстро переоборудовали стойла, сделали подвесную дорогу, соорудили кормоприготовительный агрегат. Предоставили животным свободный доступ к кормушкам.

— Свинья — глупое, ненасытное животное, — говорили вначале некоторые колхозники. — Дай ей вдоволь кормов — будет лопать, пока не протянет ноги у корыта.

— Больше нормы не съест, — отвечал Кирюшин. — Это говорит вам зоотехник. Убедитесь сами.

В самом деле, вскоре все увидели, что свиньи не такие уж ненасытные животные. Рацион кормления остался тот же, не увеличился.

Колхозный зоотехник Вольнов высказал мысль о

постройке тесовых шалашей для откормочников. «Что им, мол, париться в свинарниках: духотища, сырость».

—Верно, — одобрил новую идею председатель. — Свинье не страшен холод, она боится сырости, грязи.

Поделали шалашаи из теса, утеплили на зиму соломой, навозили сухого торфа, и животные чувствуют себя прекрасно: воздух свежий, чистый, сухой—и быстро прибавляют в весе, растут не по дням, а по часам.

Вот что дал перевод свиней на крупногрупповой бесстаночный метод содержания. Если до этого в помещении размещалось 300 голов, то теперь можно содержать до 900. Раньше за ними ухаживали 10 свинарок, теперь одна — Клавдия Александровна Каменская. Она откармливает значительно больше свиней, чем в прошлом десять человек. Себестоимость центнера привеса свинины снизилась с 12 рублей до 5 рублей 77 копеек. В шестидесятом году Каменская поставила государству 53 тонны свинины. Одна!

Но на этом не остановились. Жизнь все настойчивее требовала широкого применения машин.

— Полумеры — только начало... — говорили в правлении и парткоме. — Механизировать—так полностью, чтобы комплекс машин установить.

Легко сказать: комплексная механизация! А где взять машины, где достать металл для оборудования? Машины начала производить рязанская промышленность. А металл? Нельзя ли количество его сократить до минимума?

Через партийные органы обратились за помощью к Рязанскому проектно-технологическому институту. Группа сотрудников института во главе с ведущим инженером М. И. Королевым разработала проект комплексной механизации приготовления и раздачи кормов. Шефы—коллектив Дягилевской ТЭЦ — помогли его осуществить.

Суть проекта в том, что применяются машины, изготовленные на рязанских предприятиях, а для оборудования транспортеров и автопоилок используется главным образом дерево. Центром комплекса является запарник-смеситель кормов, выпускаемый «Рязсельмашем». К нему по трубам поступает вода, а из парообразователя—пар. Из бункера скребковый транспортер, рамы и скребки которого сделаны из дерева, подает различные кор-

ма. Промытые и, если нужно, запаренные, они по желобу поступают или в пастоприготовительную машину, или в универсальную дробилку кормов. Готовый к употреблению корм попадает в бетонированную яму, откуда транспортер подает его через элеваторы в вакуумные самокормушки. Поскольку для изготовления транспортеров и элеваторов используется главным образом дерево, их несложно сделать любой длины и направить в любую часть свинарника.

Подсчитали, что все затраты на механизацию окупятся не более чем за год.

Одно хорошее дело рождает другое.

— На ферме навели порядок: свинаркам легко стало работать, у них и машины, и душ, и комната отдыха, — говорила на заседании парткома доярка Елена Васильевна Виноградова. — А вот в коровнике почти все делаем руками, 37 человек обслуживают 150 коров. Поэтому-то и молоко дорого обходится. Надо тоже быстрее вводить механизацию... Пора дать отдых нашим мозолистым рукам. Александра Даниловна Фролова и Надежда Ивановна Чаплыгина тоже не против. Только где-то поучиться малость следует.

Ту же мысль давно вынашивал председатель.

— Будет и у нас «елочка», — сказал тогда Кирюшин. — А насчет учебы так решим: пошлем вас, троих, во Владимирскую область. Посмотрите, как там действуют эти чудесные «елочки».

В коровнике началась горячая работа: переоборудовали стойла, завозили сухой торф для подстилки. Днями пропадали здесь и председатель колхоза, и секретарь парткома, и зоотехник.

Приобрели три передвижных агрегата типа «елочка».

Алексей Кирюшин — человек с горячим сердцем и трезвым умом. Ему прежде всего нужно знать: прогрессивно ли дело, которое он хочет ввести в хозяйстве, дает ли оно экономический эффект.

— Анна Сергеевна, — обратился он к бухгалтеру спустя несколько месяцев после перевода на беспривязное содержание и электрическую дойку коров на Горяйновской ферме. — Подсчитайте с зоотехником, каков результат новшества.

На следующий день Филиппова доложила:

— В четыре раза увеличилась производительность

труда доярок. Литр молока в 1960 году обходился нам в 12 копеек, а сейчас—в 9...

Председатель записал эти цифры в блокнот.

На второй день после Первомайского праздника Кирюшина и Мордвинова вызвали на районное совещание. Положение тревожное. Многие колхозы, в том числе и куйбышевцы, не выполнили план первого квартала по мясу. Под угрозой срыва полугодовое задание. Крепко досталось и Кирюшину, и Мордвинову от секретаря райкома партии. Обидные, справедливые упреки бросил и секретарь обкома за то, что мало производят говядины.

— Ну, что ты скажешь, Кирюшин?—спросил секретарь райкома.—Как будем поправлять дело?

«Поправить», а как? Эта мысль мучила всю дорогу до колхоза. Озабочен и секретарь парткома, сидящий рядом в машине. Приехали и, не заходя домой, прошли в правление. Пригласили зоотехника, заместителя председателя колхоза Якова Никитовича Борисова, старого, опытного хлебороба. Подошли бригадиры, заведующие фермами.

— Попало нам, и за дело,—не выдавая душевного волнения, говорил председатель. — Около полутораста тонн мяса мы должны сдать государству в этом, шестьдесят первом году. Сдали пока что... стыдно сказать.— Кирюшин подвинул к себе счеты и щелкнул костяшками.— Вот столько мы возьмем от свинофермы. Тут у нас, так сказать, налицо много поросят-откормочников. Дело за Клавдией.

— Не подкачаем,—послышался голос только что вошедшей Каменской.

— А вот и давайте весь план выполним свининой,—предложил кто-то.

— А ты любишь биточки, шницель, бифштекс, голубцы, пельмени?—спросил его заместитель председателя Борисов.

— Лучшее лакомство,—ответил тот же голос. Все засмеялись.

— Вот то-то. А из чего делаются эти блюда? Из хорошей говядины.

— У нас же есть телята на нагуле?

— Есть,—вмешался в разговор Алексей Дмитрие-

вич.—Но от нагула мало проку. Сейчас телят не пустишь под нож—мелковесны, надо ждать глубокой осени. Это первое. Второе: на нагуле высоких привесов, как правило, не имеем.

— Что же вы предлагаете, товарищ председатель?—заговорил молчавший до сих пор колхозный плотник Гусев.

— Усиленный интенсивный откорм бычков-кастратов. Отберем лучших бычков и поставим на выгульный дворик. Составим научно обоснованный рацион кормления. А ухаживать за ними будет наша лучшая телятница Евдокия Ефимовна Новичкова. Мы уже с ней вели разговор об этом.

— Это что же получается, Дмитрич? Косить кукурузу, траву и на тарелочке бычкам? Не много ли чести им? Они должны добывать корм своими ножками...

Послышался ехидный смех.

— Бифштекс не угрызешь... Не по карману он нам.

И все же решили поставить несколько десятков бычков на ускоренный откорм.

Опыт удался. Телята быстро, как на дрожжах, росли, полнели. Через неделю взвесили — хорошая прибавка. За 56 дней среднесуточный привес каждой головы — 1368 граммов. Общий привес—без малого четыре тонны. На каждый килограмм привеса затрачено около восьми кормовых единиц. Чистая прибыль—2140 рублей. В нагульных гуртах привесы в два раза ниже и от такого же количества бычков прибыли за тот же срок получено в два раза меньше.

...В огороженном жердями узком прогоне у ворот мясокомбината, отмахиваясь хвостами от надоедливой мошкары, резвятся крутобокие бычки. В пригон поглядеть скот вышли приемщики.

— Вот это, я понимаю, бычки!—восхитился один из рабочих.—Возьмите любого—килограммов триста, а то и больше потянет. Нет, вы только взгляните на шерсть—как же она лоснится! Откуда такие?

— Из Ходынина, — сказал зоотехник, доставивший первую партию хорошо упитанных животных.—А им и года нет...

Спустя несколько месяцев государству была отправлена вторая партия, в сто голов, крепких, тяжеловесных бычков.

— Ты прав, Дмитрич,—сказал плотник Гусев, встретив на ферме председателя колхоза.—Будут на столе у нас дешевые, вкусные пельмени и всякое другое...

По гладко накатанной дороге, среди высоких хлебов, мчатся машины. Они держат путь в колхоз имени Куйбышева. Едут многочисленные делегации из колхозов и совхозов за опытом.

— Ну-ка, Кирюшин, показывай новое, передовое,—просят экскурсанты—участники пленума областного комитета партии.

Колхоз имени Куйбышева стал опытно-показательным хозяйством, лабораторией передового опыта. Интенсивный откорм крупного рогатого скота. Хорошо. Еще что? Кукуруза с початками. Сорт ее «буковинская-3». Посеяна 18 апреля парафинированными семенами. На 20—25 день выбросила метелки. Этот небывалый метод, позволивший в районе вырастить кукурузу на зерно, удался. Урожайность зерна кукурузы, посеянной парафинированными семенами, составила свыше 50 центнеров с гектара.

Еще что? На 23 гектарах выращены семена кормовых бобов. В будущем, шестьдесят втором году кукуруза будет высеяна с бобами, богатыми белками. Тоже новое для рязанских полей.

Небезынтересно и то, что в этом году впервые на 26 гектарах посеяна сахарная свекла. Урожай также хороший...

Экскурсанты заглянули на «елочки», побывали на механизированной ферме, на огородных плантациях, на опытно-показательной пасеке, в большом саду... Много интересного увидели!

...А вот гости из Криюши приехали!

— Слышал, слышал, сынок,—Дмитрий Климанович похлопал по плечу Алексея,—орлом стал, высоко взлетел. Видишь, и звезда Героя горит... Явился проверять договор соревнования. Ну-ка, показывай, что нажил без отца? В поле? Любоваться на «королеву»? Видел. Нет, ты мне цифры... Они, цифры-то, верное зеркало хозяйства. Ты не торопись. Я запишу: всего под зерновыми? Полторы тысячи. Солидно, сынок. А что собираешь? Озимые дали по 17 центнеров с гектара! Неплохо...

Поголовье крупного рогатого скота на фермах за восемь месяцев увеличилось на 336 голов... В полтора раза больше заготовлено кукурузного силоса и его хватит до нового урожая.

Алексей Дмитриевич подробно рассказал отцу о делах в колхозе.

— Знаю, папа, что ты на пенсии. Переезжай к нам. У нас старики получают пенсию от колхоза. Сорок человек таких. Свыше трехсот колхозников пользовались в этом году отпусками. Оплачиваем бюллетени по болезни, женщинам—за два месяца до родов и столько же после родов. На курорты, в дома отдыха посылаем людей. Пастух Иван Арсентьевич Латшыков, например, вернулся из Эссентуков... А как ты думаешь?! Живем по-городскому. Давно ты не был в наших краях. Пройдись по селам—не узнать их: целые улицы вновь выстроены. Ну, конечно, школы, клубы в каждом населенном пункте, библиотека, детские ясли. Телевизоры? И телевизоры во многих домах есть: видишь, над крышами антенны.

Дмитрий Климанович слушал сына и радовался: эстафета передана в надежные руки. Сын украшает землю.

— Погуляй, отец. Здесь у нас хорошо: луга, сады. Воздух какой! Сходи на Вожу, где мы с тобой были в первый год моего приезда и ты рассказывал о битве. Битва продолжается. Битва за лучшую жизнь, за то, чтобы еще краше стала наша земля... Ты же поживешь у нас? Ну вот и договорились. А я на пару—тройку часов уединюсь: завтра на районном семинаре председателей колхозов выступаю с лекцией о путях снижения себестоимости... А через два дня пленум райкома партии. Да и в учебники заглянуть хотел, я ведь заочник сельскохозяйственного института. Диплом зоотехника есть. Хочу иметь еще и диплом агронома...

Нет, не удалось уединиться Алексею Дмитриевичу и на этот раз. Зашел он в кабинет, и сразу же к нему народ пошел.

— Дмитрич, несчастье у меня—дом сгорел.

— Слышал, Чекмарева. Сильно не расстраивайся, новый построим.

— Благодарю.

Счетовод доложил:

— Приходила доярка Елена Васильевна Алексеева,

приглашала вас на новоселье. Спасибо, говорит, председателю, помог.

— Если ко всем ходить на новоселье, так и работать некогда,— смеется Кирюшин.

Явилась группа пионеров.

— Алексей Дмитриевич, вы ездили с делегацией в Германскую Демократическую Республику. Выступите на нашем сборе, расскажите о своих впечатлениях.

— Постараюсь прийти к вам, ребята.

Радостно возбужденный, прямо с полей, явился вожак сельских коммунистов.

— Был у механизаторов, знакомил их с проектом новой Программы партии,— рассказывает Мордвинов.— Настроение у людей прекрасное, подъем небывалый...

Председатель колхоза! Интересная, почетная, но вместе с тем и очень сложная, трудная твоя должность. Ты и агроном, и зоотехник, и хозяйственник, и администратор, и воспитатель масс. И прежде всего политический работник. Ты должен видеть не только, что находится на горе, но и что за горой, заботиться не только о сегодняшнем, а прежде всего о завтрашнем дне своего хозяйства. А завтрашний день нашей деревни прекрасен.

Так думал Алексей Кирюшин, готовясь к отъезду в Москву на XXII исторический съезд родной партии. Посланец рязанской партийной организации, он вместе с тысячами лучших сынов и дочерей нашей Родины принимал новую Программу партии — программу построения коммунистического общества.

«Колхозный строй»,— говорится в Программе КПСС,— неотъемлемая часть советского социалистического общества. Это намеченный В. И. Лениным, исторически проверенный, отвечающий особенностям крестьянства путь его постепенного перехода к коммунизму... Колхоз— это школа коммунизма для крестьянства.

Экономический расцвет колхозного строя создает условия для постепенного сближения, а в перспективе и слияния колхозной собственности с общенародной в единую коммунистическую собственность».

Какая перспектива, какие широкие горизонты открываются. Дух захватывает!

«Будущее рождается сегодня, — с радостью думает Алексей Дмитриевич.—Ростки коммунизма видны и на примере нашей артели...»

Алексей Дмитриевич возвращался домой под вечер. За лесом садилось солнце. Полнеба охватило пожаром. Шел по тропинке среди уже опустевших полей. Широкой поступью по полю шагают мачты, несущие в колхозное село свет, энергию.

Просторы родных полей. И невольно приходят на память чудесные стихи любимого поэта, который писал не только о тяжелой прошлой доле крестьян, но и воспевал светлое будущее.

И вспомнилось Кирюшину детство, Криуша... Прошло немного времени с тех пор, а какие перемены произошли на родной земле!

...Как прекрасна
Земля
И на ней человек!

НА СТРАЖЕ ЗДОРОВЬЯ

Вероника Александровна вышла из подъезда и невольно остановилась. Сильный холодный ветер заставил неприятно поежиться. Она плотнее запахнула пальто и торопливо зашагала по тротуару. А мысли были там, в знакомом доме, в квартире на втором этаже.

«Вы только не обижайтесь, доктор, поймите нас правильно...» Эти слова, сказанные извиняющимся тоном, больно кольнули ее самолюбие. Правда, она и виду не подала, напротив, поддержала их предложение. Да и можно ли было

поступить иначе? Но какой-то неприятный осадок остался на душе. Она пыталась рассеять его собственными рассуждениями: «Пожалуй, на их месте я сделала бы так же. Молодой врач. Этими словами все сказано. А у людей тревога. Естественно, они хотят авторитетного заключения. Вправе ли я даже чуточку осуждать их? Конечно, нет».

Вспомнилось первое посещение больного. Дверь открыла пожилая, солидная женщина с приветливым лицом. Она помогла раздеться, вымыть руки. Коротко рассказала о случившемся.

— Муж почувствовал сильную боль в сердце. Вызывали «скорую помощь». Боли повторяются, слабость,— говорила она.—Пройдемте в спальню, он там.

Квартира большая, хорошо обставлена. Тяжелые портьеры придавали комнате особый уют. Столик у кровати больного блестел полировкой. На нем стакан с водой, голубой листок рецепта.

Вероника Александровна внимательно осмотрела больного. Ему было за пятьдесят. В глазах страдание и усталость. Он с трудом выговаривал слова:

— Сердце сжимает, словно клещами. Да... отвоевался солдат...

— Об этом еще рано говорить,—возразила Вероника Александровна, а в голове беспокойно работала мысль. Подводились итоги обследования. «Похоже на инфаркт миокарда»,—подумала она.

— Ну, что скажете, доктор?—спросил больной и, ожидая ответа, закрыл глаза.

— Пока ничего не могу вам сказать. Завтра сделаем анализы, электрокардиограмму. Тогда все будет ясно. Сейчас же вам нужен абсолютный покой. Нельзя шевелиться. Оставайтесь в этом положении. Выпишу лекарства, улучшающие сердечную деятельность.

Жена молча стояла у изголовья больного мужа. Молодой врач ощущала ее взгляд, а когда их глаза встретились, она почувствовала в нем чуть заметный холодок недоверия.

На другой день анализы и показания электрокардиограммы подтвердили диагноз участкового врача — инфаркт миокарда. Началась упорная борьба с тяжелой болезнью. Каждый день Вероника Александровна посещала больного. Только строгое соблюдение указаний врача могло положительно повлиять на течение болезни. Она ближе познакомилась с семьей Льва Ивановича Ягудина, многое узнала из его большой жизни и с молодым упорством стремилась быстрее поставить его на ноги, хотя и понимала, что борьба предстоит долгая. Положение улучшалось: пропали боли, нормальной стала температура. Все это радовало врача, подтверждало правильность лечения.

И вот сегодняшний приход. Настроение Льва Ивановича не понравилось врачу. Он был подавлен и раздражен. Не успела она его спросить, как больной заговорил сам.

— Две недели лежу на спине. Нельзя ли мне хотя бы

посидеть в постели. Может быть, вы ошиблись с диагнозом?—торопясь, выложил он свои сомнения.

— Вставать ни в коем случае нельзя. Покой и только покой. Вы же сами убеждаетесь, что с каждым днем становится лучше,—стараясь говорить спокойно, возразила Вероника Александровна.

— Все это так... но как надоело, если бы вы знали!— с горечью проговорил Лев Иванович.

А жена, как бы между прочим, заметила:

— Наши знакомые советуют пригласить известного специалиста, чтобы он его посмотрел. Вы только не обижайтесь...

Вероника Александровна, поглощенная своими мыслями, не заметила, как дошла до дома. «А меня, наверное, заждались»,—подумала она.

Муж помог раздеться и, повесив пальто на вешалку, вполголоса спросил:

— Ты чем-то озабочена?

— Нет, что ты. А как Вовка? Уже спит?

Михаил кивнул. Вероника Александровна подошла к детской кроватке, поправила одеяло и только тогда присела на диван к мужу.

— Ну, выкладывай, что у тебя произошло,—спросил Михаил,—только, пожалуйста, откровенно.

Вероника любит эти вечерние минуты, когда вместе с мужем она сидит на диване и делится событиями дня. Такая установилась традиция в семье. Правда, Михаил не очень охотно рассказывает о заводских делах, но зато с интересом спрашивает жену. Он помнит многих ее пациентов и искренне переживает за их судьбу. Вероника знает, что и на этот раз отмолчаться не придется.

— Была у Льва Ивановича. Он мне сегодня не понравился...

— В остальные дни он нравился, а сегодня нет,—со смехом перебил ее Михаил.

— Ты не шути. Он раздражен и, кажется, не доверяет мне. Мы договорились пригласить известного врача. Я знаю его по мединституту.

— Ну и что? Ты же уверена в правильности диагноза. Это даже лучше для тебя.

— Я все понимаю. Но почему-то расстроилась,—призналась она.

Михаил лукаво посмотрел на жену и заметил:

— Вероника, а не получится у тебя, как с той женщиной?

Жена вспыхнула от смущения. Да был в ее практике три года назад случай, который не забудется никогда. Она не может о нем вспоминать без чувства жгучего стыда. Произошло это на второй месяц ее работы участковым врачом. Пошла на дом по вызову. У больной была высокая температура, жаловалась на боли в животе. Она тогда решила, что это воспаление желчного пузыря, и направила больную на стационар в больницу. Оказалось же—брюшной тиф.

Помнится, как отчитывала ее заведующая поликлиникой Мария Яковлевна Андреева.

— Вы же врач, дорогая моя. Имеем ли мы право ошибаться. Речь идет о здоровье и жизни человека. Человека...—раздельно выговорила она это слово.

Вероника плакала, а при встрече не могла посмотреть в глаза сотрудникам поликлиники. Ей казалось, что не только врачи, но и няни, работники регистратуры смотрят на нее с жестоким укором. И какие только мысли, сурово осуждающие свою оплошность, не приходили в голову: «Непростительный позор. Неужели, не смогу работать врачом?»

— Нет, так не будет, это никогда не повторится,—твердо проговорила Вероника.

— Тогда давай ужинать,—предложил Михаил.

Через два дня у Льва Ивановича состоялся консилиум. Приглашенный врач подробно расспрашивал Веронику Александровну, задавал вопросы больному, потом внимательно и долго выслушивал, проверял результаты анализов. Он не спешил высказывать свое мнение и ограничивался ничего не значащими словами: «так, так, коллега», «ну-с, а теперь мы посмотрим».

Наконец он встал и веско проговорил:

— Диагноз точен. Ничего назначать вам не буду. Лечение идет правильно.

И, как показалось Веронике Александровне, он с уважением и доверием пожал ее руку на прощанье.

Проходили дни. В назначенные часы Вероника Александровна Колотовкина принимала больных в поликлинике и затем спешила на вызовы. Не было дня, чтобы она не зашла к старому пациенту. Самое страшное осталось позади, теперь пришло время направить его на

стационарное лечение в больницу. Лев Иванович находился там месяц. К нему приходили родные, знакомые и среди посетителей была участковый врач.

— Не забываете меня, Вероника Александровна, — говорил он при встрече, — спасибо вам за все. Я уж, признаться, думал того... отдаю концы...

Часто случается врачу слышать слова благодарности. Иногда они говорятся из вежливости, но особенно приятно, когда идут от души, от всего сердца. Значит, ты действительно помог человеку, он оценил твой труд и усилия. За пять лет работы участковым врачом Колотовкина по-настоящему узнала десятки людей, многим из них не просто помогла в трудную минуту, но сделала нечто большее. Вот и теперь она желанный гость в семье Ягудиных. Ей там всегда рады так же, как и в других семьях.

Признательность людей вдохновляет на поиски, заставляет требовательнее относиться к своей работе. Оберегать здоровье человека — что может быть прекраснее и благороднее, тем более, когда ты по призванию врач. «Человек человеку — друг, товарищ и брат» — так записала партия коммунистов в своей Программе, так говорят в нашей стране. На чудесной человеческой основе построены и взаимоотношения между врачом и пациентом. Здесь тоже нет антагонизма, стремления нажиться на горе человека. Люди освобождены от проклятой язвы прошлого, и какой простор открывается для деятельности врача в его борьбе за здоровье. Об этом думает Вероника Александровна Колотовкина. Вот почему хочется так много работать, оправдывая и свое назначение, и доверие людей...

День выдался ясный. Накануне вечером прошел дождь, и свежeweмытый асфальт поблескивал лужицами. Они не были такими чистыми, как весной, — в них мокли пожелтевшие листья. Голуби мирно дремали на солнцепеке, и лишь вездесущие воробьи не знали покоя, перескакивая с места на место.

Вероника Александровна стояла у окна кабинета и смотрела на улицу. Солнечный луч падал на халат, излишне подчеркивая его белизну, игриво рассыпался на никеле фонендоскопа, свисавшего на грудь. И в молодом ее лице, в глазах, да и во всей фигуре было что-то лирическое, мечтательное. «Сейчас должно быть очень хорошо в хвойном лесу. Воздух свежий, забористый, це-

лебный», — подумала она. Вот и утром вышла на улицу, и показалась она ей шире и просторней, дома и те как будто подросли...

«С чего бы это?»—спрашивала себя Вероника Александровна. Последние дни наполнились каким-то особым содержанием и значительностью. Люди оживленно обменивались впечатлениями, спорили и мечтали. У всех на устах была Программа партии. Какие грандиозные задачи ставятся в ней! Сразу трудно все осмыслить, оценить. Огромной заботой о человеке проникнут этот документ. Советский народ создает материально-техническую базу коммунизма, изменяются люди, они становятся лучше и чище, счастье входит в каждый дом. Но как врач Вероника Александровна видела в будущем и нечто другое. Человек сделает шаг в чудесную, сказочную страну здоровья. Исчезнут многие болезни и недуги. Программой предусмотрено полное удовлетворение потребностей населения во всех видах квалифицированной медицинской помощи. Наряду с бесплатным медицинским обслуживанием бесплатными станут пользование санаториями для больных, отпуск медикаментов. С самого раннего детского возраста человек получит гармоническое развитие физических и духовных сил. Страной здоровья и долголетия будет коммунизм. И ученым, и врачам-практикам предстоит активно бороться за прекрасную цель. Вот почему еще и еще раз мысленно оценивает Вероника Александровна свою работу, возвращается к тем исходным жизненным рубежам, с которых началась ее врачебная деятельность.

С молодых лет Вероника Колотовкина мечтала стать врачом. Ее мать работала патронажной сестрой, и в семье всегда уважительно относились к труду медика. Слово врач произносилось с благоговением, а в понятии девочки это был добрый волшебник, исцеляющий людей от болезней.

В свободное от уроков время Вероника любила провозить мать на участок к больным. Иногда ей удавалось наблюдать за работой. Это было так интересно!

— Дочурка, пойдешь сегодня со мной?—спрашивала обычно ее мать.

— А чемоданчик дашь? Я его буду осторожно нести, не уроню,—упрашивала дочка.

Они шли по улицам поселка цементного завода, и не

было счастливее человека на свете, чем Вероника. Ей представлялось, что она уже врач, что люди кругом с особым уважением смотрят на нее и говорят: «наш доктор идет».

Окончив десятилетку, Вероника не задумывалась, куда пойти. Конечно, в медицинский. Ее постигла неудача—не прошла по конкурсу. Поступила в Ивановский текстильный институт, но мечту свою не оставляла. На будущий год она уже была студенткой Рязанского медицинского института.

На третьем и четвертом курсах Вероника увлеклась хирургией, посещала кружок, много читала. В будущем непременно представляла себя хирургом, если б не одна встреча, которая сыграла большую роль в ее жизни.

Вместе с группой студентов девушка проходила практику в участковой больнице села Благодатное, Кораблинского района. Там познакомилась с замечательным человеком—Иваном Георгиевичем Киселевым, заслуженным врачом РСФСР, заведующим больницей. Наблюдая за его работой, слушая интересные высказывания о труде врача, Вероника иначе взглянула и на свои склонности.

Иван Георгиевич был влюблен в свою профессию и этим вдохновлял товарищей по работе.

— Специальность терапевта очень трудная,—говорил он, прохаживаясь по кабинету.—Посудите сами. Осматриваем больного и сразу же встает масса вопросов. Нужно сопоставить отдельные явления, симптомы, отклонения, постараться установить, чем они вызваны. Терапевт—это мыслитель. Да, да, мыслитель. Прежде чем вынести заключение, необходима большая внутренняя анализирующая работа. Нет больных вообще, есть больной в частности. Он строго индивидуален и требует индивидуального подхода.

Узнав, что Вероника думает посвятить себя хирургии, Иван Георгиевич внимательно посмотрел на нее, задумался, зачем-то снял очки и после этого убежденно проговорил:

— Похвально, похвально... Но я вот что скажу. Хирургом можешь ты не быть, а терапевтом быть обязана...

Перефразировка известного высказывания в устах Ивана Георгиевича звучала внушительно и надолго осе-

ла в памяти. Правда, студенты немало поспорили на этот счет и были разноречивые суждения.

Позже, уже работая участковым врачом поликлинического отделения Рязанской городской больницы № 1, Вероника Александровна не раз вспоминала Ивана Георгиевича Киселева. Он представлялся ей все таким же бодрым, не по возрасту энергичным, с взъерошенной копной седеющих волос, каким и был в жизни.

Его советы особенногодились на первых порах самостоятельной работы. Обязанности участкового врача разнообразны и сложны. Здесь оказание первой помощи, борьба с простудными заболеваниями и длительное лечение хронических больных. Большое внимание в своей практике Вероника Александровна уделяет профилактической работе. Болезнь легче предупредить, чем вылечить—эта прописная истина не устарела, наоборот, приобрела новое значение.

В Программе КПСС прямо говорится, что в предстоящий период будет осуществлена система мероприятий по дальнейшему оздоровлению условий жизни в городах и населенных пунктах, включая их озеленение, обводнение, решительную борьбу с загрязнением воздуха, почвы и водоемов. А медицинская наука призвана сосредоточить усилия на открытии средств предупреждения болезней. Уже сейчас врач обязан уделить этой работе особое внимание. На помощь ему пришла общественность. На участке действуют одиннадцать сануполномоченных. Врач инструктирует их, проводит семинары по борьбе за гигиену и чистоту на улицах, во дворах, в быту.

Недавно Веронику Александровну пригласила к себе заведующая поликлиническим отделением Мария Яковлевна Андреева и предложила:

— Возьмите на себя работу с сануполномоченными по всем участкам. Человек вы энергичный, имеете достаточный опыт. Лучшей кандидатуры не найти.

«Пятнадцать участков, — с тревогой думала Вероника Александровна, — дополнительные заботы, а время?» Но ответила коротко:

— Хорошо, Мария Яковлевна. У меня уже есть некоторые соображения.

Не ждать сигнала о помощи. Этот принцип положен в основу поликлинического отделения больницы. Врачи

проводят так называемую диспансеризацию больных. Дело новое. Три—четыре раза в год люди приглашаются в поликлинику для обследования и в случае необходимости назначения лечения.

День заполнен до отказа, а вечером нужно выкроить время для газет и журналов, узнать о новинках в медицинской практике, послушать хорошую музыку. Это любимый отдых Вероники Александровны. Она увлекается пением и выступает в хоре, а муж особенно доволен, когда жена берет в руки гитару. Так прошел и вчерашний вечер—в музыке и... спорах.

В гости пришли друзья — Ирина Егорова, врач-педиатр, и ее муж Владимир, инженер. Разговор поддерживался непринужденно, в веселом тоне, незаметно он перешел на злобу дня—о разительных переменах в облике родного города, перспективах развития науки и промышленности. Спор возник, когда речь зашла о нашем современнике. Каким он должен быть? Как время накладывает печать на характер человека, какие черты его наиболее характерны для сегодняшнего дня.

— Меня бесит и выводит из себя равнодушный человек. Это же наш враг!—горячился Михаил. — Все ему нипочем. На первом плане личное спокойствие. Увидел недостаток—не мое дело, встретился с безобразием — закрыл глаза. Бойтся, как бы не обидеть начальство, а то, чего доброго, на свою голову беду накличешь...

Вероника слушала друзей и вдруг вспомнила, что забыла зайти к Екатерине Васильевне Русаковой. «Наладились ли у них отношения?»—подумала она.

В одно из посещений больной, она заметила, что Екатерина Васильевна чем-то расстроена. Стала расспрашивать ее. Та, наконец, призналась.

— Не ладим мы с соседкой по квартире. Говорит в глаза, будто я притворяюсь и вовсе не болею. Так горько слушать.

— Не волнуйтесь, я поговорю с ней,—пообещала Вероника Александровна.

Соседки дома не оказалось. Пришлось прийти вечером. Разговор был не из приятных. Врач упрекала пожилую женщину в нечуткости, в равнодушии к чужому горю.

...Вероника Александровна оторвала взгляд от окна и повернулась. За столом врача по-прежнему сидела Ва-

лентина—практикантка, выпускница мединститута. Напротив нее молодой паренек в спортивной куртке. Он улыбочиво смотрел девушке в глаза и говорил:

— Все-таки отстают медицинская наука. В космос летим, скоро на другие планеты в гости попадем, а у вас все то же. Дали бы мне такую таблетку, чтобы я вышел из кабинета здоровым. Вот это было бы да! Не иначе, стрептоцид дадите?

Вероника Александровна не могла удержаться от улыбки. Не первый раз приходится ей слышать подобные рассуждения. «Плохо у нас поставлена пропаганда. Нужно больше читать лекций об успехах медицинской науки, о перспективах ее развития. Правильно говорил об этом на собрании секретарь парторганизации», — мысленно отметила она.

— Валя, расскажи пациенту о последних достижениях медицины, а кстати и о лечении ангины,—предложила Вероника Александровна.

— Это вы мне целую лекцию будете читать, а я спешу,—вставил паренек и, посмотрев на практикантку, добавил,—приходите к нам в общежитие. С удовольствием послушаем. До свидания!

Когда закрылась дверь кабинета, Валентина заметила:

— Учащийся техникума. Боевой парнишка. А на прием больше нет, можно идти на вызовы.

— Хорошо...

В регистратуре Нина Абузина вручила участковому врачу четыре медицинские карточки.

— Больше ваших нет. Счастливого пути!—пожелала она.

Идут по улице две молодые женщины, идут на помощь людям, на их зов. Благородны их дела и помыслы. Они всегда на страже ценнейшего богатства нашей страны—жизни и здоровья человека.

ПРОСТО РАБОЧИЙ

Город медленно погружался в густые осенние сумерки...

Валентина Дмитриевна догадалась сразу: Вадим чем-то взволнован. Таким с работы он возвращался редко. Даже очень редко. Ей захотелось скорее узнать, что случилось у Вадима на работе. Валентина Дмитриевна не сомневалась, что на заводе произошло что-то значительное, важное. Не будет же Вадим Васильевич волноваться по пустякам. И не успел муж снять в прихожей с себя пиджак, как жена спросила его:

— Что-то ты сегодня поздновато, Вадим?—По мнению Валентины Дмитриевны, такой обычный, будничный вопрос в данном случае был самым подходящим. С ответа на него Вадим и начнет свой рассказ, и она сразу узнает, что там у них стряслось. Жена не ошиблась.

— Собрание у нас было, — начал Вадим Васильевич.—Приняли обязательство жить и работать по-коммунистически... Не знаю, как это у нас получится.

— Как получится?—удивленно спросила Валентина Дмитриевна.—Ты что, разве разучился работать?

— Не обо мне речь, Валя. Ведь это не простое обязательство перевыполнить норму выработки. У нас их, эти самые нормы, выполняют, кажется, все рабочие. А это совсем другое дело. Это больше, чем хорошо рабо-

тать. Хорошо работать умеют многие. Мы должны начинать жить и работать по-коммунистически. Мы. Понимаешь, я, ты, наш участок, наш механический цех, наш завод «Теплоприбор». И не когда-то там в будущем, а сегодня, сейчас.

Вадим Васильевич перевел дух. Да, давно не видела таким Валентина Дмитриевна своего мужа. Обычно Вадим Васильевич не волновался и не горячился, а все делал спокойно. Он был, как говорится, человеком уравновешенным. Таким его добрый десяток лет знала жена, таким всегда его видели в цехе. После краткой паузы Бибичев заговорил снова:

— Мы с тобой, Валя, о коммунизме слышим не впервые. Знали и верили всегда, что он будет... Мечтали о нем. А теперь мечта становится явью. Мы уже в коммунизм вступаем. Видим его. И знаешь, Валя, коммунизм у нас виден во многом. Стоит только немного повнимательней присмотреться. Прекрасные машины облегчают наш труд, работают на нас, они могут делать и делают, как говорили раньше, чудеса. Поднимают человека в космос, записывают мысли, очень быстро и точно считают... А сколько еще появится таких послушных помощников у человека. Да что говорить, и люди не те. Лучше они стали, Валя, лучше... Работать и жить нужно по-новому, по-коммунистически. Каждый сегодня должен делать больше того, что он делал вчера. Больше. Вчерашний день позади. Коммунизм начался сегодня, и надо, чтобы все видели, где сегодня начинается коммунизм...

Весь вечер Вадим Васильевич Бибичев читал свежий номер журнала «Техника—молодежи». Журнал этот он любил, давно и внимательно прочитывал все, что в нем печаталось.

Нередко он брал его на завод и читал в обеденный перерыв.

— Что ты в нем находишь интересного?—спрашивали на заводе друзья Бибичева.

— В этом журнале? Он, ребята, смотрит на пятнадцать—двадцать лет вперед. Вот что в нем интересно.

— Выходит, в технику коммунизма можно заглянуть?

— Конечно.

— Фантазии какие-то рассказываешь, Бибичев, — возразил один из равнодушных.

Бибичев не стал спорить, а только сказал:

— Когда-нибудь покажу тебе эти фантазии.

Такой случай представился скоро.

Однажды в механический цех зашел инженер производственного отдела. Он несколько минут молча походил вокруг токарного станка, на котором работал Бибичев, полюбовался работой токаря, а потом, улыбаясь, сказал:

— Прощайся со своим стариком, — кивнул он на станок и добавил: — Сегодня новые получили. Правда, их всего только три, но тебе дадим.

— Хорошие, Виктор Сидорович? — спросил Бибичев.

— Для виртуозов.

— С «Красного пролетария»?

Инженер насторожился. Он стал пристально рассматривать токаря.

— Что, угадал, Виктор Сидорович? — спросил Бибичев.

— Вот видишь, хотел сюрприз преподнести, а кто-то уже рассказал обо всем. Скажи, кто?

— Никто не рассказывал, Виктор Сидорович. Никто. Я об этих станках давно мечтаю.

— Скоро поставим их. Осваивай.

— А я думаю без освоения поработать на нем, — смеясь, сказал Бибичев.

— Как это без освоения?

— Да я его уже изучил, Виктор Сидорович.

— Когда? Где? А ну, сейчас проверю. Рассказывай.

Инженер вынул из кармана записную книжку, полистал ее, потом быстро сунул ее обратно в карман и сказал:

— Экзамена не будет, Вадим Васильевич. Верю, знаешь новую машину, и знаю, что не терпится тебе на ней поработать.

Прошло несколько дней, новые токарные станки модели «1К62» были установлены в механическом цехе. Вадим Васильевич первый из токарей опробовал станок.

— Ну как? — кратко спросил Бибичева Виктор Сидорович. Он знал, что токарь знает, о чем его спрашивают.

На новом токарном станке на самом деле можно было делать чудеса. Послушный малейшему движению рук

токаря, он управлялся легко, а токарь стоял у него прямо, не сгибаясь, в полный рост. У станка было много достоинств, но Бибичев сказал кратко:

— Уверен, что такие удобные станки будут при коммунизме. Не работа, а одно удовольствие. Красивая машина!

— При коммунизме, говоришь? Да. У нас немало таких машин, с которыми мы войдем в коммунизм,—сказал инженер.

Вадим Васильевич листал журнал и думал: «Сделаю ли я больше того, что делаю сейчас?»

«Сделаю, конечно». Перед глазами стоят два токаря: Николай Запорин и Николай Лазарев. А дело было так. Старший мастер сказал Запорину и Лазареву:

— Товарищи, нужно срочно сделать четырнадцать новых очень точных и очень сложных деталей.

— Сделаем,—ответил Запорин.

— Не впервой,—сказал Лазарев.

Чтобы приступить к работе, токарь прежде всего должен подготовить станок. Токарный станок не музыкальный инструмент, но и его надо, как говорят, «настроить», установить необходимые резцы. В процессе работы токарю приходится закреплять заготовки, снимать и проверять готовые изделия. На все это требуется время. Запорину и Лазареву приходилось много раз делать промежуточные контрольные измерения деталей. Три дня трудились ребята. Сделали. Придирчивые контролеры и инструментальщики тщательно осмотрели детали. Сделано отлично. Старший мастер тоже похвалил:

— Хорошо поработали.

Поработали токари действительно хорошо. Но... почти ничего на этом не заработали. Какой уж тут заработок, если каждую минуту приходилось останавливать станок и делать промежуточные контрольные измерения. О такой работе хорошо сказано в старинной поговорке: «Через час по чайной ложке». Попробуй-ка заработай.

Мастер знал, что Запорин и Лазарев не заработают много на этих деталях. Понимали это и токари. Когда задание было выполнено, они впервые сказали мастеру:

— Не за деньги работали. Знали, что для завода нужно, вот и постарались.

Нужно — сделали без проволочек. Такое становится уже обычным. Запорин и Лазарев не одиночки. Так, как они, поступают многие. «Вот это, наверное, и есть черт»

советского коммунистического характера,—думает Вадим Васильевич.—Надо об этом спросить в парткоме».

Когда Бибичеву предложили стать мастером участка, он немного заколебался.

— Справлюсь ли? — спросил он старшего мастера Александра Алексеевича Золотарева.

— Не сомневаюсь,—ответил тот.—Не раздумывай. Иди.

Бибичева назначили мастером. В трудную минуту опытный инженер Золотарев всегда оказывался около молодого мастера. Вовремя давал толковые советы: как распорядиться, кому из токарей поручить выточить ту или иную деталь. Работать с Золотаревым легко. Токарей он всех хорошо знает. Александр Алексеевич не раз говорил Бибичеву:

— Сколько у нас хороших людей, Вадим! И что самое главное, их день ото дня становится все больше и больше.

Бибичев видит, какие перемены происходят вокруг. Он пришел на завод в 1958 году. Были трудности. Не хватало кадров. Этим хотели воспользоваться некоторые рвачи. Были такие на заводе. Теперь они встречаются все реже и реже. Одни «перековались», другие в погоне за длинным рублем улетели куда-то. От здорового рабочего коллектива отсеклось все легкое, невесомое. Коллектив возмужал, вырос. У него есть теперь свои рационализаторы. Среди них и Вадим Васильевич. Рационализатором он стал просто. Об этом следует здесь рассказать.

К прибору ДРДІ (дифференциальное реле деления) в механическом цехе беспрерывно навивают пружины. Сама по себе навивка пружин—дело не сложное. Беда только в том, что операция эта выполнялась в два приема. А там, где лишняя операция, тратится лишнее время. Сначала на станке шла навивка, а затем крайние витки пружин поджимались.

Вадим Васильевич посоветовался со старшим мастером, с начальником цеха и предложил простой очень способ: навивку и поджатие крайних витков пружин делать одновременно. Сам встал за станок и показал, как это будет выглядеть на практике.

— Это то, что нам нужно,—сказал начальник цеха. Предложение Бибичева было принято и внедрено.

Вспомнилось Вадиму Васильевичу в тот вечер и другое недавнее событие в цехе.

В самом конце рабочего дня на глазах у своих товарищей токарь Медведев снял с дверцы тумбочки маленький висячий замочек, повернул в нем такой же маленький ключик и бросил его в кучу вьющихся спиральями блестящих металлических стружек.

— Увеличиваем отходы черного металла, товарищ Медведев?—спросил Медведева подошедший молодой мастер участка Бибичев. Рабочие засмеялись. Они поняли шутку. Мастер редко обращался к Медведеву так вот—официально и подчеркнуто вежливо.

— Ни к чему нам это теперь, Вадим Васильевич, — ответил мастеру Медведев, показывая глазами на брошенный им замочек,—не нужен он больше.

— Вот это здорово,—сказал один из токарей.

— А ведь он очень правильно, ребята, делает,—заговорил Вадим Васильевич Бибичев.

— Неужели же не правильно?—горячо и быстро сказал Медведев. Он, кажется, был недоволен тем, что значение его поступка стал объяснять не он сам, а мастер Бибичев. Медведеву хотелось сейчас говорить самому Вадим Васильевич всегда понимал своих товарищей с полуслова. Хорошо понял он сейчас и Медведева, а поэтому сказал:

— Ну-ну, говори.

— Говорить, ребята, много не приходится... Получается у нас как-то не так, не то... Посудите сами. Берем обязательство жить и работать по-коммунистически, а тумбочки запираем на замочки. Зачем же я ее запираю? Выходит, что я не верю своим товарищам? Так или нет? Может быть, я ошибаюсь, а может, все это мелочи? Не знаю, как вам, а мне уже давно немного стыдно, когда я вешаю замочек на свою тумбочку.

— Чего же стыдиться, не мы заводили такие порядки,—робко возразил один голос.—Ясно, пережиток прошлого.

— Заводили не мы, а кончать первыми с такими делами надо нам.

Медведев свернул из бумаги трубочку, воткнул ее в замочные колечки и сказал:

— Отныне он будет запирается вот так.

Токари засмеялись, обильно посыпались шутки.

— Надежно, ничего не скажешь.

— Самый совершенный.

— Не самый совершенный, а самый современный.

— А может быть, и это лишнее?—спросил Медведев своих товарищей.

— Пускай останется. Как символ...

— Ладно,—примирительно сказал Медведев,—пусть останется. Только не как символ. Нам таких символов не нужно. Если эта бумажка будет здесь торчать—значит меня в цехе нет. Вот и все.

Вот и все. Так просто и легко отказался от старой традиции. А почему отказался? Поверил в человека. Бибичев не старик, но и он помнит, как выбирали некоторые рабочие хорошие запоры для своих тумбочек. А теперь все это побоку. Не те люди, не та жизнь.

Поздний вечер. За окном черно и тихо. Выключен телевизор. В доме давно уснула дочка—второклассница Люба. В такое время Вадим Васильевич обычно читает. Так повелось издавна. Другого времени для чтения нет. В другое время Бибичев увлекается радиотехникой. А для этого тоже нужно время. Друзья шутят над ним:

— У Вадима Васильевича телевизор помесь «Луча» с «Рекордом».

Бибичев переделал свой «Луч» и друзьям дал повод для острот.

...Поздний вечер. Мастер Вадим Бибичев перечитывает Программу Коммунистической партии Советского Союза.

Моральный кодекс строителя коммунизма.

Коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, а все за одного.

Человек человеку друг, товарищ и брат.

Беспартийный мастер Вадим Бибичев знает, что все эти нормы родились в новой жизни, на наших глазах. И ими руководствуются многие тысячи советских людей.

ГЛУБОКИЕ КОРНИ

Лет около тридцати назад в село Каверино, где организовался колхоз, впервые пришел «фордзон» — небольшой трактор, поблескивающий желтой краской. В ту пору его появление было событием исключительным. Полюбоваться диковинной машиной, которая сама ходит и сама пашет, сбежалось чуть ли не все село. О ребятишках и говорить нечего — они гурьбой следовали за трактором, забегали вперед, раскладывали на дороге обломки кирпичей, чтобы посмотреть, как это «препятствие»

преодолеет стальной конь.

В шумной ватаге деревенских мальчишек был тогда и Сережа Фролов. Чудо-машина настолько поразила его, что даже снилась по ночам. В школе, сидя за партой, мальчик рисовал ее на обложках тетрадей, на страницах книги для чтения и даже на ладонях — химическим карандашом.

Шли годы, в колхозе стало все больше появляться тракторов. Появился и «самый новый» — гусеничный, ЧТЗ.

Любовь Сережи к машинам росла все больше. В летнюю пору мальчик днями пропадал у механизаторов, и, если бы его не ругали за это дома, он, вероятно, даже ночевал бы в тракторной бригаде.

Мальчишку заметили. А тракторист Иван Алексеевич Сучков настолько полюбил его, что не чаял в нем души.

— А ну, малыш, — говорил он, — идем заводить.

И Сережа шел за ним следом, боясь отстать. Подносил к трактору воду, смазку, наливал горючее — делал все, что доверял ему Иван Алексеевич.

А сколько радости доставляли мальчику те минуты, когда трактористы усаживали его как равного за свой обеденный стол, какими же вкусными казались ему щи, налитые в общую большую миску! Вот так бы и жить в этой семье веселых парней, обветренных и загорелых, водить по полям послушные тебе машины и полной грудью вдыхать пряный запах свежеспаханной земли. Благодать-то какая — окрест в сизом цветении озимые хлеба, в изумрудных волнах яровые посева. Хлеба и хлеба — тучные, урожайные. Тишину полей нарушает ровный гул моторов. Над головой, в синем небе, заливаются жаворонки. День, полный радостного вдохновенного труда, и вечер, когда все вместе собираются за один стол, за общую миску жирных деревенских щей!

Как же хотелось мальчику быстрее подрасти и стать таким же знающим свое дело трактористом, как Иван Алексеевич.

Много лет минуло с той поры. Ныне Сергей Герасимович Фролов — знатный в Сасовском районе механизатор-свекловод. И, когда речь заходит о кадрах, о подготовке трактористов, он, хитровато улыбнувшись, начинает рассказывать:

— Мне кажется, что у нас, советских людей, всякая добрая мечта обязательно сбывается. Мы живем в такой век, когда каждый из нас с самых ранних лет начинает знакомство с техникой. Да вот хотя бы и такой пример. В нашем колхозе «Большевик» есть семья Петра Андреевича Есина. Это семья потомственных механизаторов. Петр Андреевич — тракторист. Его сыновья — Михаил, Николай и Васятка — тоже работают на тракторах. Даже самый младший сынишка, второклассник Сашутка, умеет водить машину. Вы думаете, курсы они окончили, школу механизации? Ничего подобного! Сами до всего дошли, брат у брата учились. Бывало, Васятка идет из школы, сумку с книгами в будку, а сам — на трактор, к брату Николаю. Сколько раз из-за него Петра Андрее-

вича в школу вызывали: почему-де, мол, сынишке потакаешь, почему он уроки пропускает. А что поделаешь с таким ребенком, если он еще в пеленках зачислил себя в механики?

Но не поймите, что я всей душой за самоучек. Нет, далеко нет. Ведь и я тоже к тому времени, как поступить на курсы трактористов, машину водить уже умел. Казалось бы, чего более? Умеешь—ну и работай. А вот когда начал учиться да послушал лекции преподавателя Андрея Андреевича Попова, то понял, как много еще следует мне знать.

Рассказывает Сергей Герасимович неторопливо, обстоятельно и только о самом главном. Оно и понятно: пройденный путь длинен и сложен, не каждый эпизод в жизни заслуживает теперь внимания. А то, что основное, само просится в рассказ. И вот они, одна за другой, картины этого пути.

Курсы трактористов окончены. Но знания, полученные на них, еще невелики. Каждую свободную минуту Сергей Герасимович заполняет чтением специальной литературы, чутко прислушивается к советам более опытных товарищей, не упускает случая, чтобы посоветоваться с механиком, приехавшим из МТС в бригаду. А техника все совершенствуется, обновляется. На смену трактору ЧТЗ уже пришел НАТИ. Если зазнаешься, не будешь учиться, то неминуемо отстанешь. И Сергей Герасимович учился, перенимал у товарищей все, что считал для себя полезным. Постепенно накапливался опыт, совершенствовались навыки. Теперь он уже считал себя человеком знающим, да и в МТС поговаривали о нем как о хорошем механизаторе. То, о чем мечталось в детстве, начало сбываться. Старый учитель, опытный тракторист Иван Алексеевич Сучков, при встрече подбадривал:

— Молодец, Сергей! Вижу, человеком станешь.

Еще бы! Ведь всю душу в дело вкладывал и искренне радовался каждому своему успеху.

Но тут грянула война, и пришлось пересест с трактора на танк. Во время боев под Воронежем вражеский снаряд попал в машину, молодой танкист получил тяжелое ранение в ногу и вышел из госпиталя инвалидом. Однако же сидеть дома не хватило терпения. Снова пошел в МТС, в тракторную бригаду...

Пока машинно-тракторные станции оправдывали свое историческое назначение, работать было легко, интересно, чувствовались результаты своего труда. Но затем, когда колхозы выросли и окрепли, стало отрицательно сказываться на делах то обстоятельство, что на земле, по существу, были два хозяина — МТС и колхоз. Машинно-тракторная станция была заинтересована прежде всего в том, чтобы выполнить план полевых работ, хотя бы и в ущерб качеству обработки почвы, а колхозу нужны были не столько гектары мягкой пахоты, сколько высокий урожай.

И не раз Сергей Герасимович ругался то с директором МТС, то с председателем колхоза. Директор приказывал:

— Товарищ Фролов, перегоняйте трактор в соседний колхоз, там прорыв.

— А как же здесь? Ведь работа не окончена.

— Не твое дело!

Увидит председатель, что Фролов угоняет машину, и кричит вслед:

— Эй, эй, ты куда поехал, да я тебя!

— Не ругайся, так директор приказал.

— Кто приказал? Почему приказал? А мне что делать без трактора?

И смех, и грех, и досада великая. Вспашет тракторист и посеет в одном колхозе, а ухаживать за посевами едет в другой. На чьем попечении останется прежний участок — неизвестно. Какая уж тут борьба за урожай. Оно, конечно, оплата за труд не пропадет, но ведь земля-то хозяина любит.

И как же доволен был Сергей Герасимович, когда колхозы приобрели технику у государства.

— Вот уж теперь мы поработаем так, как сердце подсказывает,—говорил он товарищам.

В колхозах стала все шире внедряться комплексная механизация пропашных культур. Появились новые имена механизаторов-кукурузоводов — Вячеслава Конычева, Алексея Саломатина, Владимира Фильчакова. Каждый из них стал выращивать высокие урожаи кукурузы на больших площадях и при этом при наименьших затратах труда и средств. Начали создаваться звенья и механизаторов-свекловодов.

Это заинтересовало Сергея Герасимовича. «А я разве

хуже других, — думал он. — Технику знаю, работать умею. Ведь как мы сейчас выращиваем свеклу? Я, к примеру, посею, а все остальные работы выполняют другие. Ведь это, можно сказать, настоящая обезличка. Нет, так не гоже».

И пошел в правление колхоза к председателю Александру Максимовичу Фокину, рассказал ему о своей думке.

С этого и началось.

Правление колхоза выделило Сергею Герасимовичу участок в пятьдесят гектаров, пропашной трактор, трехрядную сеялку, культиватор и свеклоподъемник. Короче, и землю, и технику — в одни руки. Это была уже новая форма организации труда, сулящая большие выгоды. Теперь только один человек отвечал и за технику, и за землю, и за урожай. Сергей Герасимович понимал, что прежних знаний, какие успели накопиться, будет мало. Надо быть не просто механизатором. Вдобавок ко всему необходимо еще глубоко и основательно знать агротехнику сахарной свеклы, настойчиво учиться возделывать эту культуру. Было как-то и страшновато приниматься за дело, и заманчиво.

Но если уж решил, отступать совесть не позволяет. «Приложу все силы, но своего добьюсь», — думал он.

Зимнее время, какое в прошлые годы считалось временем отдыха, было для Сергея Герасимовича полным трудом и забот. Днем вывозил удобрения на свой участок, а вечерами, после ужина, садился за книги и брошюры о свекловодстве. Немало потратил усилий и на то, чтобы привести в порядок культиватор, сеялку, свеклоподъемник.

Вот и пришла весна. Закрытие влаги на своем участке и предпосевную обработку почвы механизатор провел успешно — это дело привычное. А вот какое время выбрать для сева, следовало подумать. Тем более, как раз в эту пору наступило похолодание, подули ветры, нудные и пронизывающие.

Многие свекловоды говорили:

— Э, торопиться вредно, надо подождать тепла.

Сергей Герасимович решил по-своему, как подсказывал опыт передовых свекловодов, агротехника. Он смело вывел сеялку в поле и приступил к севу.

Старики только головами покачивали:

—Зря спешит. В нашем деле ведь как? Тише едешь — дальше будешь.

Наконец наступило потепление, и свекловоды закопошились — начался массовый сев. Пока другие только сеяли, на участке Сергея Герасимовича начали появляться всходы.

— А теперь и за шаровку примемся, — решил механизатор.

Свекла быстро шла в рост, укреплялась. Сергею Герасимовичу оставалось только радоваться за удачу.

Однажды вечером в дом Фроловых пришла соседка Прасковья Епишкина. Присела на стул да и говорит:

— Видела я твою свеклу, Герасимыч. Хороша она у тебя. Скоро и букеты нарезать надо. А вот во второй-то бригаде беда надвигается.

— Что такое? — встревожился он.

— Да вот поди ж ты, — объяснила соседка, — свекловичная муха появилась, это такая тварь, что все посеы загубить может.

Действительно, положение во второй бригаде складывалось тревожное. Пришлось срочно готовить ядохимикаты и опылять посеы. И все же, несмотря на принятые меры, свекла во второй бригаде развивалась хуже, чем на участке Сергея Герасимовича.

— У тебя этот участок, словно заповедный, — говорили Фролову пожилые колхозницы, — никакие блошки-мошки его не трогают.

— И не тронут, — отвечал Сергей Герасимович. — Помните, когда я начал сеять? Свекла взошла и окрепла еще до появления вредителей, и свекловичная муха стала для нее не страшной.

Как и говорила Прасковья Епишкина, время для нарезки букетов наступило — у каждого растения свеклы появилось по паре настоящих листочков. Сергей Герасимович знал, что букетировка — весьма ответственная работа. Выполнишь ее неправильно — испортишь все дело, механизированная обработка посевов в двух направлениях станет невозможна. Поэтому немало потрудился над тем, чтобы точно отрегулировать рабочие органы культиватора. Помогал шестнадцатилетний сынишка Анатолий, полюбивший технику так же крепко, как и отец.

— Сейчас самое важное для нас, — рассказывал ему

Сергей Герасимович, — добиться, чтобы при букетировке вырез в рядке был шириною тридцать сантиметров, а длина букета — четырнадцать с половиной.

— Почему так точно? — спрашивал Анатолий.

— Требование агротехники. Если вырез в рядке узкий — порежешь свеклу, слишком широкий тоже вреден — землю экономить надо. В букете же должно быть по два—три растения, не больше. Иначе одно растение будет мешать другому, рост корней замедлится. А это не в наших интересах.

На букетировку ушло три дня. Нарезы делались с большой точностью, очень аккуратно. И всякий раз, по вечерам, окончив работу, отец и сын долго любовались прямолинейностью междурядий.

— Ты только посмотри, — восхищаясь, говорил сыну Сергей Герасимович. — Хоть вдоль, хоть поперек — ни одного зигзага. А это самое главное, в этом и основа для механизированной обработки. Будь междурядья кривыми, разве можно было бы пустить по ним культиватор? Откровенно скажу, что самое основное теперь сделано. Будет у нас урожай, будет!

— Подожди загадывать, — сомневался Анатолий. — Разборка-то букетов еще впереди.

— Правильно, впереди. Попросим помощи. Тут уж ничего не поделаешь — машины для выполнения такой работы у нас нет. А пора бы ее изобрести, давно пора. В долгу перед нами заводские конструкторы.

Разборку букетов — прорывку лишней свеклы — начали в то время, когда у растений появилось по третьему настоящему листику. Помочь в этом деле Сергею Герасимовичу пришли свекловодческие звенья Евгении Фролкиной и Прасковьи Епишкиной. Работа спорилась. И все же, как ни старались колхозницы, в некоторых букетах растений оставалось больше, чем требовалось. Пришлось дня через три пройти по участку вторично и выдернуть эту лишнюю свеклу или посадить ее на изреженных местах.

Все остальное было проще: как только появлялись сорняки, Сергей Герасимович пускал в дело культиватор, взрыхлял междурядья в обоих направлениях, и плантация свеклы снова радовала глаз. Во время последней обработки внес в почву минеральные удобрения.

Время шло. Наконец рядки сомкнулись, сплошные

свекловичные листья изумрудного оттенка покрыли все пятьдесят гектаров участка.

Пятого сентября началась уборка. И какой же был получен урожай! С каждого гектара Сергей Герасимович собрал по 262 центнера корней. Это на 88 центнеров больше, чем в расчете на гектар в среднем по колхозу.

В колхозной бухгалтерии подвели итоги работы свекловодов. Оказалось, что в результате внедрения механизации урожай корней сахарной свеклы по сравнению с урожаем 1959 года увеличился в среднем с гектара по колхозу на 71 центнер, а по сравнению с 1952 годом — на 125 центнеров. Себестоимость центнера корней снизилась до одного рубля шестидесяти копеек, в то время как государство принимало ее по два рубля семьдесят копеек за центнер. За отправленную на завод сахарную свеклу колхоз получил, кроме денег, 1900 тонн жома и купил по льготной цене 27 257 килограммов сахара.

Первый успех окрылил Сергея Герасимовича, вселил веру в свои силы. Он глубоко и основательно продумал и оценил каждый свой шаг в жизни и отчетливо представил себе, каким должен быть сейчас колхозный механизатор. Обо всем, что решил, открыто высказал в семье.

Был зимний вечер. После ужина жена Мария Григорьевна убирала посуду со стола, младшая дочурка, пятиклассница Валя, готовилась решать домашние задания, а сын Анатолий раздумывал о том, пойти ли в кино, или просто отдохнуть дома. Сергей Герасимович как-то загадочно посмотрел на него и спросил:

— Ну, где дальше учиться будешь?

— Зачем? — удивился Анатолий. — Ведь на трактор я хоть сейчас сяду, сам знаешь.

— Знаю. Сам таким был. Сыновья Петра Есина — тоже неплохие трактористы, хоть и не учились. Но ведь этого мало. Ты понимаешь, мало! Надо корнем вращать в жизнь, землю знать надо. Включить скорость да поехать на тракторе — мудрость невелика. А ты вот хлеб дай, картофель, мясо и молоко, да при этом много и в несколько раз дешевле, чем сейчас. Хватит ли на такое дело твоих знаний?

В тот же вечер в правлении колхоза, когда речь зашла о решениях январского Пленума ЦК КПСС, Сергей Герасимович высказал свою думку:

— В прошлом году я выращивал свеклу на пятиде-

сяти гектарах. И все знают, что урожай получил приличный. Но все ли знают, что работал-то я все-таки налегке.

— Как это понять? — удивился председатель. — Ведь один на пятидесяти гектарах!

— Ну и что же? — спросил Сергей Герасимович. — Ведь свободного-то времени у меня оставалось очень много. Комплексная механизация — это дело великое. И вот сейчас попрошу: прибавьте мне земли. Пусть будет сто пятьдесят гектаров под сахарной свеклой. Да дайте еще шестьдесят гектаров под кукурузу да шестьдесят под картофель.

Воцарилась тишина. Сказанное Сергеем Герасимовичем показалось необычным. Кто-то с сомнением произнес:

— Ну и ну, вот это подзагнул.

Сергея Герасимовича поддержал тракторист Николай Трушин.

— А что вы сомневаетесь? — заговорил он. — В прошлом году я многому научился у Сергея. Такую площадь вполне можно брать. Я тоже надумал выращивать сто пятьдесят гектаров свеклы да семьдесят кукурузы...

И снова, как и в прошлом году, в окнах дома Фроловых светился огонь далеко за полночь. Точно так же светился он допоздна и в окнах Николая Трушина. Оба механизатора во всех деталях изучали агротехнику сахарной свеклы, кукурузы, картофеля, кормовых бобов. А днем, с утра и до вечера, вывозили удобрения на свои участки.

В селе заговорили:

— Соревнование начинается у них не на шутку. Оба настойчивые, дело знают и каждый из них оставить себя с носом не позволит.

Но мало кто знал, как начиналось это соревнование и как оно проходило. При мимолетных встречах на улице ли, в правлении ли механизаторы в нескольких словах обменивались мнениями, выясняли непонятные кому-либо из них вопросы, справлялись о делах друг у друга.

Участки под сахарную свеклу были подобраны еще осенью и вспаханы под зябь, удобрены перегноем. Но этого механизаторам показалось мало, они продолжали вывозить перегной, торф, дефекационную грязь, требовали от правления колхоза, чтобы оно позаботилось о

закупке минеральных удобрений. Семена свеклы получили из совхоза «Сотницинский». Перед посевом, по совету специалистов, протравили их меркураном.

Минувшая зима была малоснежной, и оба механизатора беспокоились о том, достаточно ли влаги накопится в почве. Весной, как только оголились поля, Сергей Герасимович стал частенько появляться на своих участках. Выйдет на межу и подолгу смотрит на гребни пахоты. В солнечные весенние дни кажется, что земля дышит, окутываясь легким паром. Земля! Лишь человек, прошедший и детство, и юность свою среди полей, увидит и поймет всю красоту ее в эти первые дни после схода снежного покрова. Сергей Герасимович брал на ладонь темный комочек почвы и разминал его, проверяя, мажется ли, внимательно следил за тем, как начинают сереть гребешки подсыхающей пашни. И выбрал, наконец, день, когда следовало приступить к выборочному боронованию — ждать, когда подоспеет все поле, не стал.

А затем, после боронования, разбросал по участку заготовленные зимой удобрения и немедленно начал культивацию. Все делал так же, как и в прошлом году, лишь с некоторой разницей в сроках, которые определял в зависимости от погоды и состояния почвы. Сев провел успешно, участок сразу же прикатал.

Всходы стали появляться дружно. Вначале обозначились рядки на плантации сахарной свеклы, затем начали зеленеть точные, правильные квадраты на участках кукурузы и картофеля. Работы хватало. Едва закончил букетировку свеклы, как наступило время боронования кукурузы и первой междурядной обработки. Зато что ни день, то больше радуется душа. Вот они, посевы свеклы, кукурузы, картофеля — двести семьдесят гектаров! Поля и взглядом не окинешь. Сколько бы людей копошилось на них сейчас, если бы работать по старинке, сколько бы труда и средств надо было затратить на такую площадь! А сейчас он один, механизатор Сергей Фролов, управляется со всеми делами, да как еще здорово управляется! Устарела пословица о том, что один в поле не воин. Изучи технику, полюби родную землю, стань подлинным хозяином полей и ты обогатишь свою отчизну. Глубже пускай корни, глубже...

Но случилось неожиданное.

Как-то в полдень Сергей Герасимович заглянул до-

мой, чтобы отведасть холодного кваску. Зачерпнул кружку, присел у окна:

— Жарища-то какая, дожличка бы сейчас. На свеклу жалко смотреть — притомилась, поблекла.

— А ты выгляни в окно, — посоветовала жена Мария Григорьевна. Выглянул и удивился:

— Туча! Да как же я раньше-то не заметил? Пусть наплывает, лишь бы стороной не прошла.

Но туча и не думала проплывать мимо. Она нависла над селом, затем немного откачнулась от него, раскинулась белой пеленой и опустила на поля прямые, струями, белые косы.

— Град! — ахнул Сергей Герасимович.

Град был сильный, хлесткий, по воробьиному яйцу. И, что досадно, бил только посеы свеклы да кукурузы, над которыми трудился Сергей Герасимович. Ни на село, ни на какие другие поля даже градинки не упало.

С предчувствием непоправимой беды шел Сергей Герасимович на свой участок. Пришел, посмотрел — и руки опустил:

— Все погибло.

Но в душе еще теплилась какая-то надежда.

Пришел на второй день и немного успокоился:

— Кажется, поправляется наша свекла.

На третий день даже обрадовался:

— Ого, да град-то, видимо, на пользу ей! Смотри, как помолодела!

...Август. Поля, на которых не так давно колосились высокая рожь и пшеница, походят сейчас на бритую голову—все, до единого колоска, подчистили и подобрали на них колхозные степные корабли. Маячат лишь одни, словно памятники минувшего лета, огромные скирды золотистой соломы.

Но уборка урожая еще не закончена. Недалеко от центральной усадьбы колхоза, с левой стороны проселочной дороги, там, где весной были зяблевые поля, высокой изумрудной стеной стоит кукуруза. На каждом стебле один—два, а то и три початка. Даже не верится, что некогда хилые, прибитые градом, чуть заметные растеньица могли вымахать такими высокими, что свободно упрячут коня с седоком. Рядом — посеы сахарной свек-

лы. Ее широкие листья, словно крышей, накрыли между-
рядья. Немного поодаль — поле картофеля. Клубни та-
кие крупные, что больше одного на ладонь не помес-
тится.

Всякий, кто проходит мимо этих посевов, спрашивает:
— Чья это кукуруза?

— Сергея Герасимовича Фролова, — с достоинством
отвечают колхозники.

— А свекла?

— Тоже его.

— Картофель?

— Все его: и кукуруза, и свекла, и картофель. Види-
те, какой урожай?

...А вот наступил и сентябрь — месяц, венчающий
труд за весь сельскохозяйственный год. С колхозных
полей одна за другой уходят автомашины, загруженные
зеленой массой кукурузы, картофелем, сахарной свеклой.
Уходят и возвращаются вновь к агрегатам. И так день,
другой, третий. Кажется, что и конца не будет этим пе-
ревозкам — так много выросло кукурузы, свеклы и кар-
тофеля.

Бухгалтеру не терпится подсчитать урожай.

— Хоть примерно прикину, — говорит он и берет
карандаш. — Кукуруза в среднем дает 350 центнеров.
Шестьдесят гектаров дадут 21 000 центнеров. Карто-
фель, судя по тому, что сейчас накапываем, даст не ме-
нее шести тысяч центнеров. Сахарная свекла даст две-
сти с лишним центнеров с гектара. Значит, плюс еще
30 000 центнеров. А всего продукции 57 000 центнеров.
В уме не укладывается, что такое количество может вы-
растить только один человек!

А какой урожай на участке Николая Трушина? Поч-
ти такой же.

Добрый подарок съезду партии, богатый подарок!..

ДЕЛО ЕГО ЖИЗНИ

Его встретили настороженно: в учительской среде ходили разговоры о его чрезвычайной работоспособности и о том, что такой же удивительной работоспособности он требует и от других. Утверждали в связи с этим, что он невероятно требователен к себе и в такой же степени требователен и к своим подчиненным, говорили, что он аскетически суров. Вспомнили историю, когда Анатолий Федорович Конуркин, будучи заведующим гороно, весьма непочтительно обошелся с пожилой, извест-

ной в городе работницей народного образования, — он потребовал от нее соблюдения педагогической этики, хотя, кажется, чего уж и было требовать с человека... Походя припомнили работу одной комиссии, в которой участвовал Конуркин, и как он вопреки мнению двух других членов комиссии позволил себе не согласиться с решением одного большого касимовского начальника, чем страшно разгневал его. К этому добавили, что впоследствии-то большой начальник все-таки был вынужден согласиться с Конуркиным.

Многое вспомнили и многое передумали учителя третьей средней школы г. Касимова, когда директором их школы назначили Анатолия Федоровича Конуркина. Всех заботил вопрос: как-то поведет, как-то покажет се-

бя новый директор? Но все, однако, на всякий случай подтянулись, ибо, несомненно, авторитет у Конуркина был большой: хороший педагогический стаж, активное участие в жизни городской партийной организации, депутат горсовета нескольких созывов, отличник народного образования, член правления городского отделения Общества по распространению политических и научных знаний... Все это внушало невольное уважение к новому руководителю и настраивало на ожидание резких перемен в учебно-воспитательной работе в школе, реформ, которые, говорят, Конуркин любил.

Но Анатолий Федорович не спешил с введением реформ — были другие неотложные заботы. Он принял третью школу 20 августа 1959 года. До начала занятий оставались считанные дни, а школа находилась в той стадии готовности, когда даже сам прораб, весьма оптимистического склада человек, не мог уверить, что ремонт будет закончен к 1 сентября. Да и как же он, прораб, мог заверить, если не было краски и стекла и к тому же одних малярных работ предстояло на добрых полмесяца.

Конуркин стал добывать краску и стекло, сделал запрос об увеличении количества ремонтников. Бывало, он по несколько раз в день совершал рейды по маршруту: школа — гороно — горисполком — горком партии — ремстройтрест — школа. Домой приходил поздно, проголодавшийся, усталый. В ту пору он был просителем, толкачом, снабженцем, и так мало в нем было директорского.

Однако меж этих изматывающих ремонтно-снабженческих рейдов Анатолий Федорович нашел время собрать учителей и объявить им, что через три дня, а именно 29 августа, назначается заседание педсовета и что на нем каждый учитель должен сделать нечто вроде исследования своей работы за истекший год и внести какое-нибудь дельное предложение. Беседа директора с учителями происходила в неотрмонтированной еще учительской: пахло сырой известкой, а в гулких классах шумели кисти маляров и слышался стук молотков и шуршание рубанков. И в этом хаосе было немислимо думать, что через неделю в этой школе начнется учебный год и надо вносить какие-то предложения по улучшению учебно-воспитательной работы.

А директор настаивал:

— Каждый учитель обязан внести хоть одно предложение. Подчеркиваю: каждый!

Конуркину тогда некогда было рассказывать, почему должен вносить предложение по улучшению работы школы именно каждый учитель. Это объяснилось позднее: директор хотел, чтобы все учителя были активны, чтобы думали все и чтобы в борьбе за повышение успеваемости были развернуты все силы всего коллектива педагогов.

Против ожидания, он никого не разнес, ни к кому не придрался и, что было вовсе удивительно, разговаривал, не повышая голоса, все больше предупредительным тоном. Кто-то решил, что у него не было времени для отчитываний, — была гора ремонтных работ. Забегая вперед скажем, что Конуркин вообще держал себя ровно и корректно, но он был действительно требователен.

И вот 29 августа Анатолий Федорович провел в третьей школе свое первое заседание педсовета. Как и хотелось, на этом заседании выступили все учителя: рассказывали о своей работе, делились сомнениями, просили совета, сами советовали. И опять никто не слышал от директора ничего такого, из ряда вон выходящего. Сидел за столом молодой, тридцати с чем-то лет, рослый и сильный, с высоким лбом человек, внимательно поглядывая на выступающих, чутко выслушивая их и иногда задавая вопросы. Голос сильный, ровный, слова произносит четко, внятно, как будто он разговаривает с учениками. Но это не обижало. По вопросам, которые задавал директор, по его замечаниям чувствовалось, что он отлично знает дело и старается познать его еще лучше. Потому и такие тонкие, скрупулезные вопросы. Потому и такие толковые замечания. Да, этот директор потребует, и он имеет на это право. Но, кажется, он и поможет, он подскажет.

За широкими, недавно вымытыми стеклами окон поавгустовски густо зеленели липы, пробегали автомобили, и в классах, убранных после ремонта, стояла чуткая тишина. Школа была готова к началу учебного года и в этом — большая заслуга нового директора. В условиях нехватки строительных материалов и в короткий срок он сумел подготовить школу к работе. Это радовало учителей.

Третья школа считалась самой трудной в городе. Открытая незадолго до начала Отечественной войны, она задержалась в своем становлении и отставала от других школ города до самого последнего времени... Где самый большой процент неуспеваемости? В третьей школе. Где больше недостатков в учебно-воспитательной работе? В третьей. Где самая большая текучесть учительских кадров? Да там же, в третьей школе.

За время работы школы здесь сменилось семь директоров и пять завучей. Из учителей, работавших с начала открытия школы, к приходу Конуркина остался только один. Из 500—600 учащихся в среднем 100 человек оставались на второй год. А шесть лет назад на второй год была оставлена четвертая часть учащихся.

Вот какую школу, по мнению горкома КПСС, должен был «вывести в люди» Анатолий Федорович Конуркин. Скажем сразу: он оправдал возлагавшиеся на него надежды, более того, он вывел школу в передовые не только в Касимове, но и в области... Да, успех этот достался нелегко, он потребовал больших усилий. Но Конуркин не пожалел своих сил и упорства — благо этих качеств ему было не занимать. Перед этим он прошел большую жизненную школу, закалился. За его плечами годы Отечественной войны, фронт.

Свежо встают в памяти годы учебы в Рязанском педагогическом институте, на историко-филологическом факультете. Нелегкое послевоенное время, материальные ограничения. Представлялась возможность уйти на хорошо оплачиваемую, авторитетную работу и жить безбедно. Но Анатолий Конуркин не свернул с избранной им дороги. Он учился. Он был убежден, что педагогика — дело его жизни, и упорно овладевал педагогическим мастерством. Впоследствии, уже по окончании института, ему предлагали другую почетную и высокооплачиваемую работу. Но и на этот раз Конуркин не изменил своему призванию, делу своей жизни. Какой-то прочный, прирожденный что ли учительский талант ясно выражался и в знаниях, и в поведении, и во всем облике молодого педагога. И после окончания пединститута, его сразу же направляют директором средней школы в рабочий поселок Шилово. Он учит детей и сам учится у более опытных преподавателей. Это была трудная, полная ощущения новизны пора.

А через несколько лет Анатолий Федорович переезжает в Касимов. Работает преподавателем истории во второй средней школе. Работает увлеченно, творчески. Учащиеся по его предмету начинают показывать хорошие, прочные знания. Это не осталось незамеченным. На его уроки стали приходить учителя-историки из других школ города, инспектора городского и областного отделов народного образования; стали изучать методы его работы, появились письменные обобщения его опыта. Вот перед нами довольно обширный машинописный материал, принадлежащий перу одного из инспекторов. Он называется: «Опыт работы преподавателя истории 2-й средней школы г. Касимова Конуркина Анатолия Федоровича». В нем между прочим говорится:

«...Готовясь к уроку, преподаватель учитывает, что и как изучено на предыдущем занятии, какие были затруднения, какие наблюдения сделаны над отдельными учащимися, над классом в целом.

...Перед этим преподаватель подбирает необходимый дополнительный материал к теме. Например, книги: «Молодежь о Советской Армии», «История гражданской войны», «Пархоменко» и т. д. Он создал большую личную библиотеку, содержащую художественную литературу по истории. Кроме того, он создает папки с вырезками из газет.

...Тов. Конуркин при подготовке к урокам смотрит, как излагается материал не только в учебнике, но и в других источниках.

...Конуркин всячески развивает активность мышления учащихся. Излагает материал ярко, отчетливо, просто, так, что невольно хочется слушать. Требовательный к своей речи, он требователен и к речи учащихся. При ответах обращает их внимание на правильное построение фраз, на произношение слов.

...На уроках часто пользуется картинками, при этом рассказывает о художнике, ее написавшем, о содержании, обращает внимание учащихся на характеры героев, выражения лиц, на отдельные детали.

...До 90 процентов учащихся показали отличные и хорошие знания, неуспевающих нет».

И вот именно тогда, во время своей активной преподавательской деятельности, Анатолий Федорович на собственном опыте пришел к известному уже по учению

великих педагогов выводу, что все нормально развивающиеся дети могут успевать, стоит только с ними поработать. Как именно поработать — единого рецепта дать нельзя. Человек, тем более в детском возрасте, — создание сложное, тонкое, растущее, изменяющееся. И сложны, многообразны пути постижения детской психологии. Но учитель должен постоянно искать и находить эти пути, а найдя их, развивать и направлять умственные способности юного человека в нужном направлении. На то он и учитель!

В правильности этого вывода Конуркин твердо убедился во время заведования городским отделом народного образования... Были в одной школе города четыре «неисправимых» ученика. Они, ссылаясь на неспособность, учились плохо, озорничали, обижали хороших учеников, дерзили учителям. Пробовали навалиться на них всем классом. Но класс влияния на этих ребят не смог оказать. Наоборот, великовозрастные эти второгодники сами оказывали влияние на класс, и какое еще — дурное! Ребята явно отбивались от учебы. И тогда Конуркин, исчерпав все доступные ему законные меры, пошел на «нарушение». Он перевел «неисправимых» в вечернюю школу рабочей молодежи. Результаты оказались самыми благотворными. «Неисправимые», попав в среду взрослых рабочих парней, уже не могли верховодить, руки у них оказались коротки, и им ничего не оставалось делать, как всерьез приняться за учение. И они окончили школу. Правда, впоследствии Конуркину пришлось объясняться перед одним ответственным товарищем из области в нарушении правил обучения. Но что было делать, если эти правила мешали ребятам окончить школу?! Вероятно, правила сами нуждались в исправлении.

Итак, по твердому убеждению Конуркина, все учащиеся могут учиться, могут успевать, — дело за учителем. Это убеждение было высказано им на очередном заседании педсовета, на котором обсуждались итоги работы школы за первую четверть 1959—60 учебного года.

Заседание прошло бурно, и тому были веские причины. Первая четверть учебного года при новом директоре закончилась почти столь же плохо, как и до него, в былые годы. Конуркин не мог мириться с этим и потребовал от участников заседания:

— Давайте анализировать. И поглубже заглянем внутрь себя. Все ли мы сделали для повышения успеваемости? Правильно ли организовали учебный процесс? Интересно ли проводим уроки?..

Некоторые учителя по привычке оправдывали плохую успеваемость всевозможными «объективными» причинами: рассеянностью учащихся, их безразличным отношением кучению и ленью, бесконтрольностью со стороны родителей и т. д.

— Не верю я в это, — возразил Конуркин. — И в безразличие ребят к знаниям не верю, и в отсутствие интереса тоже не верю.

Ну, вот и стали вроде бы проявляться жесткие конуркинские особенности. Конуркин якобы думает, что все учителя такие же сильные, как и он сам. И он не верит в плохую успеваемость. Он не верит во второгодничество. Он вообще ни в черта, ни в бога не верит.

— А во что же вы верите? — был задан вопрос.

— В отсутствие должного желания у учителей, — ответил директор.

— Нет, это слишком!..

— А зачем же обижаться? — продолжал он. — Меня еще никто не убедил в обратном. Вот, может быть, Илья Васильевич, секретарь нашей парторганизации, попробует убедить.

Нет, Илья Васильевич не собирался разубеждать директора. Более того, — Илья Васильевич попросил слова, — он полагает, что Анатолий Федорович прав. Конечно же, ни одному мальчику или девочке, за редкими исключениями, не хочется оставаться в классе на второй год. Очень не хочется. Вспомним свои школьные годы. Безразличие ребят к учебе? Возможно. Но в этом повинны прежде всего учителя; надо заинтересовать учащихся, вызвать у них жажду знаний. Рассеянность? Бывает. Но учитель должен увлечь ребят. Бесконтрольность родителей? Сколько угодно. Однако, если учитель хочет, чтобы родители контролировали детей, он может этого добиться... У Ильи Васильевича тоже не легкие предметы — русский язык и литература, но если он хорошо приналяжет, то может добиться хорошей успеваемости. Были такие случаи, когда, казалось, самые надежные ученики подтягивались и начинали учиться хорошо. А то и способные ребята, если их упустить, могут

отстать. Вот, например... А в общем, не ему, Илье Васильевичу, об этом говорить, и не им, учителям, слушать, — они и сами это прекрасно знают.

Заведующая учебной частью Валентина Васильевна Базилевич тоже считает, что количество неуспевающих можно свести до минимума и со второгодничеством, как с массовым явлением, есть все основания покончить. И уже пора покончить. «Ведь это, товарищи, позор — второедничество!»

По истечении некоторого времени стали ясны причины отставания школы: многие учителя не умели правильно организовать учебный процесс, не уделяли должного внимания повторению пройденного материала, плохо разрабатывали методику уроков, и потому эти уроки проходили без напряжения умственных способностей ребят, не было точного плана работы на уроках, и учащиеся не были подготовлены к получению новых знаний. А некоторые учителя вообще недоброкачественно готовились к урокам и проводили их на низком дидактическом уровне: однообразно, скучно. Вот против этих недостатков и решил поднять учительский коллектив Конуркин. Предстояло ликвидировать эти недостатки, а там, возможно, обнаружатся новые формы борьбы со второгодничеством.

Наиболее широкий размах приняла борьба за высокую успеваемость после того, как было объявлено о созыве учительского съезда. Тогда коллектив принял на себя обязательства добиться ликвидации второгодничества. С этими обязательствами был ознакомлен горком КПСС, который одобрил и поддержал начинание учителей.

А несколько позднее партийная организация школы приняла решение, что вся работа в школе должна проходить под лозунгом: «Жить и работать по-ленински, по-коммунистически».

Анатолий Федорович ясно представлял, что главная роль в претворении в жизнь этого лозунга принадлежит ему, директору, коммунисту. Ведь если успеваемость учащегося в наибольшей степени зависит от учителя,

то плодотворность работы учителя во многом зависит от директора, руководителя. Поэтому директор должен хорошо знать своих учителей: их характеры, наклонности, педагогическое мастерство, опыт. Помня это, Анатолий Федорович настойчиво, повседневно работал с учителями, постигая их сильные и слабые стороны. Эта работа открывала много нового, зачастую неожиданного, интересного.

...Заведующая учебной частью школы Валентина Васильевна Базилевич, преподающая в школе географию, отличается образцовым, неустанным трудолюбием... Преподаватель языка и литературы Илья Васильевич Агафонов очень интересно увязывает изучаемый материал с современностью; к тому же он поэт, печатает стихи в городской газете «Звезда» и является чемпионом области по шашкам... Творчески работают учителя Галина Николаевна Розбианская, Юлия Петровна Мальцева, Ольга Николаевна Савостина* и многие другие. В общем, все учителя в третьей школе — народ добросовестный, опытный, работоспособный. Но тут же возникал вопрос: почему такая низкая успеваемость, почему пятая часть учащихся оставляется на второй год? Ответ пришел не сразу, а только после тщательного анализа жизни школы. И ответ был суров: нет коллектива. Есть хорошие учителя, но хорошего коллектива нет. Люди работают порознь, не чувствуя локтя товарищей, не интересуясь глубоко работой друг друга.

Так вот, значит, надо создавать коллектив! Надо сплотить, сдружить людей, объединить их общностью цели. А цель была намечена — ликвидация второгодничества.

В создании коллектива большую долю труда взяла на себя школьная парторганизация. Собрания коммунистов стали проходить активнее, целеустремленнее, на высоком партийном уровне. Живее пошла работа местного, комсомольской и пионерской организаций. Обращалось внимание на создание крепких коллективов в классах, на развитие у ребят чувства дружбы.

Тем временем Конуркин упорно ищет пути улучшения учебно-воспитательной работы, изучает и обобщает опыт учителей, экспериментирует. Он посещает урок за уроком в параллельных классах и все уроки в одном классе. Он приглашает учителей на свои уроки, прак-

тикует директорские контрольные работы в параллельных классах, лично опрашивает учащихся на уроках, требует от учителей продуманного методического оформления структуры урока и индивидуального подхода к учащимся, просматривает конспекты учителей, показывает свои конспекты.

Директору понравилось, как проводит уроки Валентина Васильевна Базилевич. Он немало у нее перенял для своей педагогической работы и посоветовал сделать ее уроки открытыми: пусть их посещает любой учитель. Валентина Васильевна охотно согласилась. А по ее примеру стали проводить открытые уроки Розбианская, Тумасова и некоторые другие опытные преподаватели.

В школе все чаще практикуется коллективность при решении методических вопросов. Например, раньше преподаватели русского языка не выходили за пределы своей предметной комиссии и занимались узкометодическими вопросами преподавания своего предмета. А в настоящее время они проводят заседания вместе с учителями начальных классов. В методические объединения учителей начальных классов приглашаются преподаватели-предметники. Такая практика сближает людей: учителя начальной школы яснее представляют требования для пятого класса, а учителя-предметники в свою очередь уясняют значение и содержание начального образования. И, в конце концов, это сплачивает коллектив, чему Конуркин радуется особенно.

В третьей школе было очень близко воспринято известное постановление правительства об укреплении связи школы с жизнью. В школе было создано много кружков, где ребята обучались различным специальностям: токарей, швей, музыкантов, штукатуров... А через некоторое время ребята уже своими силами выполняли несложные работы. В школе был создан рукописный журнал «За тесную связь обучения с жизнью», в котором обобщался опыт работы по-новому.

Это был интересный и напряженный год. И очень результативный. Ни одного второгодника, все 624 ученика были переведены в следующие классы. 1960—61 учебный год тоже окончился успешно: без второгодников. И тогда-то в ранее отстававшую школу потянулись делегации, комиссии из школ города, района, области, стали наез-

жать товарищи из центральных органов народного образования, из газет и журналов. Конуркина просят поделиться опытом работы на страницах местной и центральной печати, и появляются его статьи.

Рабочий день закончен. Отзвенели в коридорах ребячьи голоса. За окном догорает ясный, золотистый день «бабьего лета». Все: и учителя, и школьники — разошлись. Конуркину тоже бы пора идти домой, да вот дела. У него всегда много дел: школьные, депутатские, партийные. А вот и письмо, на которое надо ответить. Письмо из Рязани:

«Здравствуйте, Анатолий Федорович! Во-первых, извините за беспокойство; во-вторых, примите мою благодарность за воспитание моего сына Прохорова Саши, бывшего ученика 7 класса. Это пишет его мама. Учась в вашей школе, он резко изменился в хорошую сторону в учебе и дисциплине. А ведь здесь, в Рязани, говорили, что он учиться не хочет и не будет... Саша рос без отца... Очень благодарна Вам, Анатолий Федорович! Подскажите, как нам быть дальше...».

«Трудный был мальчик, — вспоминает директор. — Никак не удавалась у него жизнь в Рязани. Мать больная, мальчика пришлось перевести в детский дом, в Касимов. Поступил в третью школу. И вот выправился. Теперь в техникуме... Приятно это!..».

Мужественное, волевое лицо Конуркина светлеет. Он доволен, что Саша Прохоров изменился «в хорошую сторону». Много, очень много ребят меняются у Конуркина на глазах и при его активном участии становятся на правильную дорогу.

Дело, которому посвятил свою жизнь Анатолий Федорович Конуркин, — благородное дело коммунистического образования и воспитания — приносит радостные, ощутимые результаты. Эта радость полнокровна и вдохновенна. Хорошие ребята растут в нашей стране — им не только строить новое общество, но и жить при коммунизме, как торжественно провозгласила ленинская партия в своей новой Программе.

Александр ЧУВАКИН,
Борис ЖАВОРОНҚОВ

ЖИЗНЬ ОБГОНЯЕТ МЕЧТУ

1

Опушка леса! Подступая к проселочной дороге, она звенит, как песня: птицы приветствуют восход солнца. С замиранием сердца вслушивается Саша в разноголосые трели-переливы, игривый посвист, четкую дробь, бульканье и клыканье. И всему этому многозвучному птичьему хору отзывалось, гудело, нарастало лесное эхо, которое гремит раскатами где-то далеко, в медвежьей глуши.

Конечно, дома, в деревне Передково, точно так же поют птицы. Но к тем птицам он вроде бы привык, как привык к окружающему деревню лесу. Там он знает каждую березку, каждую сосну. Он любит свою деревню, родной лесной и озерный, зеленый и голубой край. И по-прежнему твердо убежден, что осень в Передкове — такая светлая, чистая и прозрачная пора, какой нет ни в одном уголке мира. В сентябре, когда устанавливаются ясные, тихие дни, он мог с утра до вечера бродить с лукошком по прохладному лесу, собирая грибы. Воздух, освеженный обильными росами, напоенный запахом сена и хвои, был легок и чист, забористо щекотал в носу. Полыхающие в золотом пожаре леса, убегающие вдаль рыжие пригорки, рассыпанные по полям берез-

ки — все покрывается легкой сквозной голубой дымкой. А если посмотреть на речку, что бежит недалеко от дома, на ее обрывистые берега, то и вода, и заросли ивняка колышутся синим пламенем...

А здесь Саша Марагаев был впервые, и красота родного края тут как бы открывалась заново. Вокруг — ни души. Только Артем, легонько подстегивая Савраску, напевает в рыжие усы:

Ой, люблю тебя, жена,

Ой, жена, да молода!

А женушка лишь одна

У меня — да Вологда!

Телега катится по замшелой дороге, колеса глухо стучат по упругим корням. Саша смотрит вперед. Тихо улыбается. Впереди волнообразная лесистая равнина, покрытая туманом. В лучах солнца он косо клубится над небольшими печальными озерами. Незнакомая даль зовет к себе, волнует воображение.

Показалась какая-то деревушка. Кончился лес. И сразу же за тремя березками широко раскинулось льняное поле.

— Ух, красота, — восклицает Саша. — Смотри, Артем, сколько льна!..

— Э-э-гей!.. — не поворачивая головы, кричит Артем. — Еще пять верст и Вологда!

У Саши часто бьется сердце, захватывает дух. Еще бы! Первый раз в жизни он едет на ярмарку. Но, бедный мальчонка, почему так грустно он смотрит на льняное поле? Оно плавно колышется, шевелится, как живое. Высокие неветвящиеся стебельки тянутся к солнцу. Прижимаются друг к другу. Спокойно. Но вот дунул свежий ветерок. И все оно вдруг преобразилось: голубое поле заволновалось, запенилось, будто озеро. Звонко столкнулись стебли, трепетно взвились, вихрем закружились крылатые лепестки.

Саша поежился. Застегнул на деревянную пуговицу перештопанный ворот ветхой рубашонки. Так вот почему он грустно смотрит на льняное поле! Он вспоминает слова отца: «Много льна разводится на волокно у нас, на Вологде, а ты, сынок, рубахи хорошей не имеешь... Эх, бедность!..»

И вот Сашка на ярмарке. Чего тут только нет! А народу!.. В деревянных лавках и прямо на земле, под от-

крытым небом, перекрикивая друг друга, вологодские барышники продают доски, самодельные игрушки, стекло, хромовую и яловую кожу, кружева, творог, лен... И снова в Сашиных голубых глазах грусть. Он видит, как двое фабричных ребят покупают новые рубахи с красивыми вышивками на воротниках.

— Артем, а когда мне рубаху купят?

— Ой, Сашко,—вздыхает Артем.—У твоего отца пятеро гавриков...—И, глядя мальчика по голове, успокаивает:—Вот вырастешь, пойдешь на ткацкую фабрику—сам будешь делать рубахи.

— Нет, Артем, я учителем хочу стать...

Но что это за толпа? Почему так весело смеются тут люди? Вместе с Артемом Сашка пробирается к небольшой деревянной избушке на курьих ножках. Сидит около нее старик с козлиной бородкой, крутит шарманку. И на всю ярмарку разносится знакомая мелодия «Бывали дни веселые...»

Смолкла песня, и снова вещает старик:

— А ну, попка, вытащи молодому человеку счастье... Розовый попугай послушно опускает клюв и достает из ящика свернутый клочок бумаги.

По другую руку старика вторая клетка. В ней морская свинка. Она тоже угадывает судьбу...

Восторженно смотрит Сашка на старика и его помощников—попугая и морскую свинку. А что, если загадать? Может, и в самом деле сбудется? Но где деньги? В кармане ни гроша.

Но Артем уже толкает Сашку.

— Все это чепуха на постном масле. Дураков ищут.

На другой день они возвращаются в Передково. Телега снова мягко катится по дороге. И снова перед глазами широкое льняное поле.

— Говоришь, учителем хочешь стать?—спрашивает Артем, закручивая сигарку большими грубыми пальцами.

Саша кивает.

— Это похвально. Значит, добрый ты, мечтать умеешь...

Артем несколько минут молчит. Курит. Синий дымок густо обволакивает рыжую шевелюру. И такие же, как дымок, синие глаза щурятся от солнца.

— Во мне тоже, Сашко, мечта живет... Моряком бу-

ду. Люблю море, хоть ни разу его не видел. Оно, наверно, такое же, как это льняное поле: переливается голубыми волнами. Недаром парусину из льна делают... Знаешь, есть у Лермонтова стихи:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом...

Он бросает сигарку под колесо, натягивает вожжи. Савраска, вскинув голову, бежит рысью. Артем продолжает:

— У каждого человека должен быть свой парус, своя мечта!..

2

Саша не чаял души в Артеме Осинине. Знал, что Артем с избытком хлебнул горькой жизни. Бывший батрак, он работал во многих деревнях по найму. Потом остановился в Передкове. Вступил в только что организованный колхоз. Особое уважение Саша испытывал к его широченным плечам. Он видел, как Артем косил сено. Сверкающая коса, тонко названивая на лету, казалась в его руках игрушкой. А сам он, кряжистый, плотный, забывал отдыхать. Хорошо было с Артемом. Научил плавать, рубанком строгать. Брал с собой на охоту. А когда Саша пошел в школу—помогал решать трудные задачи. И приятно было слышать:

— Молодец! Круглый отличник.

И шутил, приходя к Саше домой:

— Весь в меня!

Отец и мать радовались: надежный друг у Саши, хоть и старше его на полтора десятка лет.

А потом случилось страшное... Артем ушел на фронт и—как в воду канул. В деревне остались дети, старики, женщины. Четырнадцатилетний Саша от зари до зари работает с матерью в поле. Фронт требует хлеба... Фронт подходит к родным местам. Фашистские бомбардировщики летают над деревней. Бомбят шоссе. Ночью нельзя уснуть. А чуть свет—снова в поле. От тяжелого труда и забот, недосыпаний и недоеданий подкашиваются ноги. Сжимая ладонями крупно выступившие скулы, Саша идет домой с поля. Кружится голова. Тело горит. Рубаха прилипает к спине. Оторвать бы! Впрочем, все равно. Тошнит. Не упасть бы. Дома—сразу же спать!

Он силится поднять веки. Как они тяжелы, красные набухшие от бессонницы и слез. Сколько ночей не смыкались! Потерян счет. Да и как узнать: день сейчас или ночь? Да и где он?.. Хотя бы каплю воды. Только одну каплю! Пальцы двигаются. Чувствуют что-то холодное... Вода! Но почему она твердая? Наверно, пальцы скользят по стенке ведра. Где же дужка?

В воспаленном мозгу, как живые, гудят строчки:

Белеет парус одинокий

В тумане моря голубом...

Нечеловеческим усилием напрягает память. Жесткий обман! Ни воды, ни ведра. Пальцы судорожно царапают холодную твердую землю. Он лежит на ней, на этой земле, один, забытый всеми... Но что это?

— Сашко!—слышит где-то рядом.

— Кто там?—кричит он изо всей силы.

Его никто не слышит. Кричит только одно сердце. А губы шепчут.

— Сашко!... Ты слышишь меня?—Тот же голос. Кажется, знакомый. Чей же? Чей?

— Кто там?

— Он слышит нас...

Да это же голос Артема... Артема Осинина!

— Он, кажется, что-то просит,—говорит Артем.

— Да, я прошу воды!

— Воды, женщины! Он просит воды!

Чьи-то руки подняли голову. Кто-то к губам поднес кружку с водой. Полную кружку! Не каплю! Мозг работает четко:

Белеет парус одинокий

В тумане моря голубом...

— Осторожно, женщины,—басит Артем.—Пусть сам губы разожмет.

Странно: все слышит, все понятно. Но сделать движение—как? Кружка больно впивается в губы: вода!

— Он бредит,—говорит тихо Артем, освещая лицо Саши фонарем.

3

Жизнь брала свое. В окно пробивалось солнце. Там, на улице, начиналась весна. Весна! Саша поднимает голову. В глазах темнеет. Но он ясно видит: в комнату

входит Артем. Но почему у него нет правой руки? Пустой рукав шинели туго заправлен под ремень.

— Артем, это на фронте?..

Губы плохо слушаются, горят. Саша щупает их языком. Губы пухлые, толстые.

— Сашко, Сашко, как же ты...—Артем садится рядом, пристально, сожалеюще смотрит на худое, с острыми скулами, черными глазницами, впалыми щеками лицо, но говорит ободряюще:—Ничего, ты парень крепкий...

Саша догадывается, о чем думает Артем, и глядит на него ласково, стремится развеселить. Ведь и сам-то Артем... постарел.

— У нас еще все впереди...—серьезно, как взрослый, говорит Саша.

Поправившись, Саша снова работал в поле. Каждый вечер навещал Артема. Варили картошку в мундире, ели вместе. Однажды Артем предложил:

— Пошли на охоту.

Саша удивился.

— Но как же ты будешь стрелять? У тебя одна рука да и та левая!

— А вторая моя рука—это ты... Не обижаешься? Может, взрослым уже себя представляешь?

— Что ты, Артем!..

Они вышли из деревни. Было раннее утро. Серое, низкое небо, темный таинственный лес, окутанный дымкой, зябко дремлет в морозном оцепенении. Ни шороха. Ни звука. Тишина. Сосны да снег. Артем и Саша пробираются сквозь кустарник. Заденут ветку—снегопад. Не заденут—любуются: целый ворох висит! И как только держится!

— Артем,—спрашивает Саша,—а где тебя ранило?

— На Украине. Отступали мы... Когда очнулся, вижу—лежу в хате. Около койки молодуха. Она, значит, подобрала меня с поля брани... А потом партизаны меня взяли. Руку ампутировать пришлось...

Они выходят на полянку. Одной рукой Артем достает из кармана газету. Отрывает губами клочок. Ловко сворачивает сигарку, закуривает.

— Артем, ты коммунист?

— А ты как думаешь?

— Думаю, что коммунист.

- Правильно думаешь.
— А где ты родился, Артем?
— В Рязани.

Саша спрашивает приглушенно:

- Скучаешь по Рязани?
— Скучаю.
— Поедешь?

— Обязательно. После войны.—Артем шумно вздыхает и мечтательно объясняет: — Река там красивая, Ока. А около нее—луга заливные, на десятки верст. Ветерок свежий, сеном и земляникой пахнет. Березки, приветливые такие и робкие. Выйдешь, бывало, на Оку, вокруг посмотришь и замрешь от счастья—такая светлая земля перед тобой лежит, знакомая, близкая.

— Да,—протягивает Саша и торопливо спрашивает:—А Вологда тебе нравится?

— Нравится,—сразу же отвечает Артем.—Она вторая родина моя.

Тихо кашлянув, добавляет:

— Если когда-нибудь судьба свяжет тебя с Рязанью, полюбишь ее так же сильно, как я Вологду...

4

Отремели бои. Закончились военные походы. Страна залечила тяжелые раны и брала новый рубеж в стремительном движении вперед, на могучих крыльях семилетки набирала новую, еще невиданную высоту.

Всюду гигантские стройки, всюду кипучий труд, во всех уголках необъятной страны, в каждом городе, в каждой деревне.

Вместе со страной, со всем народом рос и мужал мальчишка из вологодской деревни. Он уже отслужил в армии и решал, куда идти работать.

Куда идти? Конечно, на передний край, на самые нужные, самые ударные стройки.

И Александр после демобилизации остался в Рязани. Это было в 1959 году. Он пришел на стройку большой химии, на новый завод-гигант, который, как слышал, из древесины будет вырабатывать волокно. Только на этот завод.

В какой-то брошюре о химии Александр прочитал замечательные слова великого русского ученого Д. И. Менделеева, написанные еще в 1900 году:

«Я хочу сказать о вискозе. Исходным сырьем может служить дерево, солома и всякий растительный продукт, содержащий клетчатку. Страна наша изобилует всякими растительными продуктами. Если бы при изготовлении деревянных изделий из леса отбросы при этом полученные—стружки, опилки превратили в изделия из вискозы, особенно волокно, то разбогатели бы больше, чем от всей нашей хлебной торговли. А хлеб дома скушают. Пуд вискозы или пуд волокон из вискозы обойдется дешевле, чем пуд хлопка. В этом уже одном видна будущность вискозы: она кажется мне тем интереснее, что тут сказывается в лучшем виде все значение чисто научных химических исследований, обещающих еще много новых промышленных революций совершенно мирового характера».

Эти слова великого ученого глубоко запали в душу. И невольно подумал Александр о родной Вологде. Сколько же там лесов, какое это богатство! И вот только теперь это богатство будет по-настоящему служить людям. Не только корабельный лес, не только бревна и доски для новых домов, не только дрова и, конечно, не лыки для лаптей, а целлюлоза для вискозы, для волокна, из которого будут платья и пальто!

Вот это жизнь, вот это дорога, которую не в состоянии был предугадать ни сам Александр—любопытный крестьянский мальчишка, ни его старший друг Артем, ни тем более шарманщик с попугаем и морской свинкой, которого видел в детстве на вологодской ярмарке.

В апреле пришел на завод, в сероуглеродный цех. А завод только еще строился. Были одни корпуса. Но размах строительства, новая необычайная перспектива захватили. Такого большого строительства он еще не видел нигде. Пришло оборудование. Он не знал его. Марагаева послали на родственник комбинат учиться. Через три месяца он вернулся аппаратчиком.

«Елки зеленые,—думал он.—Ну как же с такими неорганизованными ребятами можно совершать чудеса?»

«Палки густые,—думали ребята.—Ну как же с таким крутым бригадиром можно найти общий язык?»

А общий язык был найден.

— Ребята,—сказал Марагаев,—нам первым на заводе искусственного волокна выпала честь плавить серу.

Это было 28 октября 1959 года. Пусть эту дату запишут на первой странице истории завода. Рязанские химики шли к ней, к этой дате, ломая трудности и невзгоды. Они пришли на картофельное поле и сказали: «Здесь будет завод-гигант!» Выли ветры. Выли маловеры. А люди работали. Они обгоняли время. Стройка была объявлена ударной... Да, правда, у них сначала не было хорошей столовой. У них даже не было сушилки, где бы они могли обсушить свои мокрые стеганки после кладки кирпичей. Но разве в этом дело? Рязанцы строили завод, которого даже не приходилось видеть и во сне. Завод искусственного волокна! Большая химия наступала на разбуженном пустыре!

О, какая это была радость! 4 ноября 1959 года сероуглеродный цех дал первую продукцию—рязанский сероуглерод!

Но ребята еще плохо знали друг друга. Не было слаженности в работе. Опаздывали. Марагаев предупредил: — Кто опоздает, пусть пеняет на себя!

Ребята кривились:

— Ну зачем же так строго?

Но на работу больше не опаздывали.

Работать приходилось в разные смены. Труднее всего было стоять у сероплавильных котлов ночью... Вот и сейчас чувствуется утомленность. Ребята работают молча. Сероватый лунный свет пробивается в окно, висит на стене беспорядочными клочками грязной ваты. Там, за окном, шумит завод. С конвейеров бесслеснежным потоком идет искусственное волокно. А недалеко от завода — спит город, построивший этот завод. За городом, вдоль Оки, заснеженные деревья и луга убегают вдаль до самого горизонта.

Александр Иванович смотрит на ребят. Михаил Афанасьев, Александр Мирошкин, Юрий Юдинцев, Анатолий Сухов—каждый делает свое дело. Но как? Без огонька. Да и в общественной работе ребята не очень-то участвуют. Придется много приложить труда, чтобы сколотить передовую бригаду. Ребята хорошие... Александр Иванович мысленно видит Артема. «Нет, — стучит в сознании, — молодость, вынесшую голод и непосильный труд в войну, перенесшую смерть близких людей, которые научили познавать жизнь, — эту молодость не сломить!.. Артема не стало. Значит, я должен сделать все,

что не успел сделать он,—я должен жить и работать за двоих. Это мой долг! Артем был коммунистом. Нет, это выше долга. Что же это такое?.. Нужно сделать так, чтобы друзья, которые останутся после меня, думали об этом так же, как я думаю об Артеме. Это революционная преемственность. Горячее веление сердца. Высокое призывание совести».

Сдав смену другой бригаде, он сказал:

— Домой не пойдем!

Ребята переглянулись:

— Почему?

Они работали всю ночь. Они чертовски устали. У Толи Сухова слипались глаза. А Юра Юдинцев уже сбросил комбинезон.

Марагаев выдержал недовольные, тяжелые взгляды ребят. Спокойно сказал:

— Я тоже устал. Но работать в грязной сероплавллке мне стыдно. Будем наводить чистоту!

И начал первый. За ним—вся бригада. Работали еще два часа. Пол, котлы, трубы, стены—все блестело. Блестели и глаза у ребят: вот здорово! На душе стало светлее!

С тех пор все члены бригады сероплавильного отделения решили:

— Чистота будет всегда!

Но не все шло гладко. Как-то, приняв смену, Марагаев подошел к Анатолию Сухову, чтобы проверить его агрегат. Толя энергично загружал серу в бункера сероплавильных котлов. Мерно гудел кран, опуская и поднимающая огромный ковш. Вдруг прибежал Александр Мирошкин:

— Серопровод застыл!

У Марагаева кольнуло в сердце.

Ведь может остановиться весь цех! По застывшему проводу сера не пойдет в реторты. Нужно принимать срочные меры.

— Ребята, не терять ни секунды!

В течение трех часов бригада отогревала серопровод, продувала конденсат. Эта самоотверженная работа была похожа на битву, в которой крепла мужская неподкупная дружба членов бригады.

Старание бригады было замечено. Начальник смены Дмитрий Николаевич Чора стал пристальнее пригляды-

ваться к ребятам Марагаева. А потом посоветовался с мастером сероплавильного отделения Зеленковым:

— Работают по-новому, по-коммунистически. Как думаешь, Василий Тихонович?

Василий Тихонович поддержал:

— Марагаев—боевой коммунист. Бригада сформировалась перед пуском цеха. Ребята трудолюбивые.

Александр Иванович знал: носить высокое звание бригады коммунистического труда—это большая ответственность. Перед собой, семьей, коллективом, партией. «Дмитрий Николаевич Чора, конечно, поможет,—думал он.—У него есть чему поучиться. Не зря его зовут патриотом химии...»

Долго, по-деловому обсуждали члены бригады свои обязательства. Они были высокими, захватывающими. Нужно и работать образцово, и учиться отлично, и активно участвовать в общественной жизни, и показывать пример в быту...

— Новое это дело, ребята, — спокойно сказал сдержанный Михаил Афанасьев. — Но новое всегда интересно. Думаю, что мы не подкачаем.

— Это верно. Люди мы работающие,—поддержал его энергичный Александр Мирошкин.

— Если говорить начистоту, то наши обязательства мне по душе...

— И по плечу, Толик, — дополнил Сухова Юрий Юдинцев.

Марагаев был по-настоящему счастлив. Он чувствовал себя нужным этим людям. Нужен так же, как нужны были они ему самому. В одном строю идти вперед разведчиками будущего—в этом он видел необходимость своей жизни. То, что было прожито, его радовало. В двадцать два года он стал коммунистом. В армии девять лет был секретарем первичной парторганизации. То, что ожидало его впереди, волновало. Волновало не своей неизвестностью, а тем, что он знал свое будущее, верил в него. Он заочно учится в институте. А потом... Потом безгранично творческая работа на родном заводе.

Собрание бригады подходило к концу. Все пятеро заявили:

— Боремся!

Эта весть облетела весь завод. Коллектив видел: борьба разгоралась с каждым днем. Пятерка скромных

настойчивых ребят систематически выполняла план на 130—150 процентов. В каждом деле проявлялось настоящее творческое горение. Марагаев стоял у пламени печей и у пламени сердец своей бригады. Ребята работали отлично. Все они овладели смежными профессиями. Добились полной взаимозаменяемости. Вот аппаратчик Михаил Афанасьев. Он плавит серу в котлах. А Александр Мирошкин, тоже аппаратчик, фильтрует ее и по проводу подает в ретортный корпус. Но они успешно могут выполнять и работу компрессорщика Юрия Юдинцева: обеспечивать сжатым воздухом компрессоры. А Юрий Юдинцев и крановщик Анатолий Сухов, в свою очередь, считаются неплохими аппаратчиками.

Вся бригада на виду у завода. М. Афанасьев учится в Рязанском политехникуме, является членом цехового производственного совещания, готовится в партию. А. Мирошкин собирается поступить в техникум, учится на подготовительных курсах, он секретарь комсомольской организации смены. Ю. Юдинцев и А. Сухов учатся в кружке по изучению конкретной экономики, где занятия проводит сам Марагаев.

Подошел день рождения Михаила Афанасьева—идут на торжество всей бригадой. И так—к каждому. Тут и подарки. И приветствия. А главное—спайка. Главное—хорошая дружба рабочей семьи. Недаром сероуглеродчики говорят:

— Марагаевцы пришли на смену.

С каждым днем, с каждой неделей цементировалась в бригаде трудовая дисциплина. Шло становление молодых характеров. Вырабатывалось высокое сознание, гордость за свой труд, за своих товарищей. Глядя на марагаевцев, и другие бригады меняли свое отношение к работе. Подтягивались. Старались быть похожими на них. Весь сероуглеродный цех включился в соревнование за звание коллектива коммунистического труда.

Шли дни.

Коллектив сероуглеродного цеха единодушно вынес решение:

— Бригаде Марагаева высокое звание присвоить!

А спустя несколько дней на расширенном заседании завкома добавили:

— Фамилии членов бригады занести в заводскую Книгу почета. Выдать марагаевцам удостоверение и па-

мятные подарки. Вручить красный вымпел — «Первой бригаде коммунистического труда»...

5

Театр имени Сергея Есенина переполнен. Александр Иванович сидит в президиуме. Всматривается в зал. Вон там, в пятом ряду, сидит начальник цеха Берщевец. Рядом с ним аппаратчики Серов, Кашеев... Все свои!

Только что окончен доклад о первой годовщине со дня пуска родного завода. Улеглись овации. Зал притих. Александр Иванович то и дело поправляет ярко-синий галстук на новой шелковой рубашке. Он сильно волнуется. Сегодня все так необычно. Он понимает это. Его бригаде первой на заводе присвоено высокое звание коллектива коммунистического труда. И на каком заводе! На первенце большой химии! Подумать только: всего год назад он вступил в строй. На бывшем пустыре.

Александр Иванович слегка вздрагивает. Секретарь парткома завода Петр Тимофеевич Ефимов называет его фамилию:

— Александр Иванович Марагаев...

Смущенный и растроганный, он выходит на сцену. А вот и они, члены бригады. Ребята встают рядом с ним: Михаил Афанасьев, Александр Мирошкин, Юрий Юдинцев, Анатолий Сухов. Они смущаются, как и бригадир. Им вручаются почетные грамоты, памятные подарки. Им говорят столько добрых и задушевных слов.

— Бригада Марагаева — это первая ласточка в патриотическом движении на Рязанском заводе искусственного волокна,—летят в зал слова Петра Тимофеевича Ефимова.—Бригада, образно говоря, зажгла искру. А теперь из нее разгорается пламя борьбы за коммунистический труд на нашем молодом предприятии.

Члены бригады освещены ярким светом. Их фотографируют. А зал гремит аплодисментами. Оркестр играет туш. Марагаев чувствует такой прилив сил, что хочет крикнуть: «Спасибо, дорогие товарищи! Мы оправдаем ваше доверие!..»

Его глаза встречаются с родными влажными глазами... Жена! Она сидит в зале. Он замечает, как Валя взглядом говорит ему: «Я рада за тебя, друг мой...» Он вспомнил первую встречу... Улыбнулся...

Он посмотрел на свои крупные, огрубевшие от работы руки. Они держали маленькие горячие руки жены. И он был горд, что не только он один знал, сколько добра приносят Валины руки людям. Завтра утром они будут ласкать больных; они, больные, знают: старшая медицинская сестра больницы имени Семашко Валентина Владимировна Марагаева — заботливая, как мать, и ее руки—воплощение нежности.

Закончилась торжественная часть. Они смотрят праздничный концерт с таким же волнением, как тогда, после первого знакомства. О, это было так давно! Аллочке уже пять лет. Впрочем, нет. Это было совсем-совсем недавно. Они жили дружно, счастливо. Время шло быстро... Когда Александр Иванович увидел ее впервые, он был солдатом. Служил в Рязани. А познакомился уже старшиной. И на воскресенье укатили за город, за Оку, в лес. Густой сосняк стеной окружал полянку. Шершавые от светло-коричневых лоскутьев коры далеко вдаль уходили тонкие стволы. Между ними, беспорядочно рассыпанные в сочной молодой траве, ярко-белыми шапочками цвели бесчисленные кустики земляники. Они цвели даже на муравьиных кучах, где по палочкам, солонинкам, сухим прошлогодним листьям ползали, хлопотали муравьи и бесшумными быстрыми ручейками бежали куда-то в лес, теряясь в зеленом покрове земли. Солнце стояло почти над головой. Безоблачное высокое небо было пронизано, залито лучами.

— Мне нравится Рязань,—сказал он.—И леса, и озера, как у нас на Вологде.

— Артем был прав,—подтвердила Валя.

— Прав. Он во всем был прав... Жаль его. Рано умер.

И про себя подумал: «Он наполнил парус моей мечты ветром большой жизни»...

Да, сколько воды утекло с того дня, когда он ездил с Артемом на ярмарку! Артем как в воду смотрел. И не детство ли безрубашное подсказало Александру Марагаеву дорожку на завод искусственного волокна? Он ведь знает, коммунист, сероплавильщик, что горячий его труд дает народу рубах, как в сказке, видимо-невидимо. И чудо его жизни как раз в том, что все это не сказка, а быль, наша героическая коммунистическая быль, озаренная новой Программой великой ленинской партии!

Над Рязанью опускается морозный осенний вечер. Шумят шинами троллейбусы. Спешат пешеходы. В окнах домов зажигается свет.

Александр Иванович Марагаев выходит из библиотеки. В руках у него учебники и тетради. Студент-заочник Московского политехнического института, химик, он сдает сейчас экзамены. Шагает твердой походкой. Его коренастая фигура напоминает Артема Осинина.

И разве большая жизнь Марагаева не обгоняет мечту, не летит вперед на полных парусах!..

СКАЗКА СТАНОВИТСЯ БЫЛЬЮ

Хороши августовские вечера на Оке, особенно после тихого теплого дождя. Приятно идти по широкому заливному лугу, сбивая ногами изумрудные капельки с молодой отавы, глубоко вдыхая пряный запах свежего сена. И как-то незаметно проходит усталость, окрыляется сердце, освежается голова. Искрящееся в предзакатных лучах солнца зеленое раздолье невольно вызывает широту мысли, раздумий, воспоминаний.

Есть о чем вспомнить Александре Степановне Николаевой—доярке ижевского колхоза «Дело Октября». Есть о чем поразмыслить. Богата и содержательна ее большая трудовая жизнь.

Идет Александра Степановна после дойки домой, и мысли одна за другой проносятся в голове. Вот так же она проходила здесь около трети века назад восемнадцатилетней девчонкой, когда только что начала работать дояркой в родном колхозе. Та же тропинка, тот же изгиб озера, у берега которого все так же, как и тогда, стоит лодка, дожидаясь доярок, чтобы переправить их на противоположный берег, ближе к дому.

Все, казалось бы, осталось по-прежнему. Но это только на первый взгляд. На самом деле многое-многое изменилось. Ни у одной доярки не увидишь в руке по-

дойника, неизменного их спутника прежде. Теперь здесь подоюнок безвозвратно канул в вечность, как серп, цеп, соха и многие другие примитивные орудия труда—наследие прошлого. На пастбище установлены доильные площадки «елочки». Это чудесное новшество. Как оно облегчает труд!

Николаева внимательно рассматривает свои руки. Они стали нежнее. Выступавшие ранее жилы с тыльной стороны кисти, кажется, начали постепенно пропадать.

— А досталось им, ох досталось,—вспоминает доярка.—Без малого тридцать лет ежедневно десяток коров доили они трижды. Сразу и не помножишь. Около миллиона литров молока надоили...

Александра Степановна с гордостью вспоминает об этом. Ведь всю свою жизнь она трудилась на общую пользу, на благо народа, ради его счастья.

Нелегким был труд, но вынесла она его безропотно, гордо, с достоинством. Говорят, что даже самая трудная работа не сгибает, а выпрямляет человека, если она на пользу людям. Александра Степановна Николаева—яркий пример, подтверждающий справедливость этих слов. Три десятка лет проработать на ферме—дело не шуточное. Каждый день с рассвета до позднего вечера на ногах. А сколько тревог и волнений! И, несмотря на это, чувствует себя бодро. На ее лице не увидишь глубоких морщин. Только мелкие черточки едва заметно расходятся от уголков широко открытых глаз.

«Нужно любить то, что делаешь, и тогда труд, даже самый грубый, возвышается до творчества»,—сказал великий писатель М. Горький.

До глубины души полюбила свою профессию А. С. Николаева, и потому простую работу доярки она возвысила до истинного творчества. Уже давно установилась за ней добрая слава животновода-новатора. Это ей принадлежит мысль о распределении коров по группам и закреплении этих групп за определенными людьми, о внедрении индивидуальных рационов кормления в зависимости от живого веса, продуктивности и возраста коров. В то время, когда в хозяйстве не хватало кормов, такие мероприятия были прогрессивным делом. Это ей принадлежит популярный в свое время клич: «высокий удои закладывать в сухостой». Это она вместе со своей подругой Анной Федоровной Ивкиной настояла, чтобы ко-

ров не гоняли зимой на водопой к реке, а ставили в станках кадки, чтобы в рацион кормления коров ввели сырой картофель и скармливали его в целом виде.

Много новшеств внедрено в колхозе по мысли и настоянию Александры Степановны. Всего теперь не упоминаешь. Вся трудовая жизнь ее прошла в постоянных исканиях, дерзаниях, опытах. Постепенно, год за годом, совершенствовалась она мастерство доярки: экспериментировала сама, ездила учиться в знаменитый костромской колхоз «12-й Октябрь», бывала у знатной доярки Прасковьи Николаевны Ковровой в Юште, на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Все новое, интересное, прогрессивное стремилась как можно быстрее внедрить у себя. Если ей кто препятствовал в этом, она с ним вступала в борьбу, спорила, доказывала и в конце концов добивалась своего.

На ее глазах животноводческая ферма в колхозе превратилась в настоящую фабрику молока, а сама она стала знаменитым мастером раздоя коров. В соревнованиях доярок области Александра Степановна всегда была одной из первых, удостоилась высокого звания Героя Социалистического Труда.

Как и подобает советскому человеку, Александра Степановна никогда не держала свой богатый опыт в секрете, а стремилась передать его другим, как можно шире распространить. Побывала А. С. Николаева почти во всех колхозах своего района, почти во всех районах своей области и во многих областях страны: Костромской, Ивановской, Брянской, Тульской, Калужской... И всюду она бескорыстно помогала дояркам, делилась опытом. Всюду речи ее зажигали людей, звали на такие же трудовые, поистине героические подвиги, которые совершила она сама.

Интересна, содержательна трудовая жизнь Александры Степановны. И вот, шагая по лугу, она старается припомнить все, до мельчайших подробностей. Вспоминает она 1932 год, когда только что пришла работать на ферму. В колхозе в то время было несколько маленьких, крытых соломой скотных дворов. Находились они в разных концах села. А село-то огромное, на семь километров раскинулось. Вот и меряли его вдоль и поперек. Кормили коров одним лишь сеном, работали при свете коптилок—того и гляди пожар наделаешь. Зимой

коров изнуряли большими перегонами на водопой козере. Можно ли было при таких условиях мечтать тогда о высоких надоях?

Как все переменялось с тех пор! На бывшем пустыре вырос прекрасный животноводческий городок с образцовыми дворами, электрическим светом, водопроводом. На ферме теперь более шестисот высокоудойных коров. Доярки хорошо зарабатывают, живут в полном достатке, культурно проводят досуг. Построен замечательный дом животноводов. И все это сделано своими руками, руками колхозников, которые являются хозяевами своей судьбы.

— Много сделано за тридцать лет колхозной жизни. Но можно ли довольствоваться достигнутым?— задает себе вопрос Николаева и отвечает:— Нет, нельзя. Только подумаешь, в какое время живем, и дух захватывает от радости. А что будет? Какие величественные перспективы открывает перед советскими людьми новая Программа Коммунистической партии. Какой большой шаг вперед совершат колхозы! И это новое растет, крепнет. В практику колхозного животноводства прочно вошла механизация. В хозяйстве внедрено свободно-выгульное содержание коров на глубокой подстилке и установлена доильная площадка «елочка». А как сказал Н. С. Хрущев, будущее в животноводстве за тем, кто переходит на механизированный способ ухода за скотом, за тем, кто применяет механическую дойку: «елочку».

Как поборник нового, Николаева вместе со своей подругой Ивкиной и здесь выступила инициатором, одной из первых взялась работать на «елочке» и теперь имеет большой опыт, которому учатся многие животноводы области.

— Будущее,— повторила это слово про себя Александра Степановна, и счастливая улыбка появилась на ее лице.— Оно прекрасно, наше будущее. Не зря мы поработали для него.

Не заметила, как подошла к группе доярок, чтобы вместе переправиться на другой берег. Доярки идут веселые, свободно размахивают руками и громко рассуждают о чем-то. На их лицах не видно печати былой усталости.

— Да, легче стало работать, значительно легче,— который уже раз повторяет Николаева.

Доярки все вместе садятся в лодку, переезжают на другой берег и расходятся по своим домам.

Звякнула щеколда новой калитки. Николаева широким шагом пересекает двор и, не заходя в дом, направляется в сад. Склонившись под тяжестью плодов, касаются ее плеч ветви молодых яблонь. Своими руками она посадила их, своим трудом вырастила. Любуется садом, янтарными, с румянцем яблоками, садится на деревянную скамейку, достает из кармана бережно свернутую газету, в которой напечатан проект новой Программы партии, начинает читать.

— Ужинать собрать?— доносится голос из сеней.

— Рано еще, мама. Повремени часок.

Хлопнула калитка, и вот уже по тропинке стремглав бежит шустрый мальчуган, шестилетний внук Александры Степановны, Леня.

Александра Степановна берет внука на руки и нежно целует в щеку.

— Побудь со мной, яблочко сорви.

— Я лучше крыжовничка.

— Как хочешь.

Леша удаляется в глубь сада, но одиночество быстро ему надоедает. Он возвращается к бабушке, садится рядом, прижимаясь к ней.

— Бабусь, что ты там все читаешь? Расскажи мне.

Бабушка ласково гладит рукой льняные волосы внука.

— Это план нашей жизни, всех наших дел и стремлений. Помнишь, я рассказывала тебе сказку о батраке, который всю жизнь искал справедливую грамоту о счастье на земле.

— Помню. Он ее не нашел.

— Верно, не мог в те старые времена отыскать простой человек золотую грамоту о народном счастье, потому что была она двенадцатью цепями прикована, двенадцатью замками заперта в волшебном лесу дремучем. А лес тот глубокой рекой отрезан, высокой горой отгорожен. И версты туда не измерены, и тропы туда не проложены. А теперь эта грамота найдена, напечатана, и все ее читают. Вот здесь, в этой газете она. В ней говорится о счастливой жизни, которая скоро придет. Название ей коммунизм. Слыхал?

— Знаю. Нам в садике говорили, что, когда наступит

коммунизм, много-много везде машин будет. Хорошо. Я люблю машины.

— Правильно сказали, — подтвердила Александра Степановна. — Машины заменят руки, и всего тогда будет много. А люди станут работать меньше и легче. И работа всем покажется куда интересней, чем раньше. Ради такой жизни всем нам много пришлось перенести невзгод: и мне, и маме твоей, и прабабушке.

— Это интересно. Расскажи, бабушка, — просит Леша.

— Ладно, — соглашается Александра Степановна. — Расскажу тебе сказку, слушай.

— Давай сказку, — обрадовался Леша и приготовился слушать.

— Давно это было, лет сорок назад. В лесной деревушке Дворики, что под Касимовом, жила-была семья из двенадцати человек. Жила она бедно, ела только хлеб сквасом, да и того не хватало до весны. А чтобы на этот хлеб заработать, надо было каждый день ходить в темный лес и с утра до вечера рубить дрова. А в лесу мороз, снегу по пояс, но на это никто не обращал внимания. Брала пилы, топоры и на целый день уходила работать. Иначе помрешь с голоду. Вместе со всеми уходила и девочка Саша.

— Это та самая Саша, которая плакала, когда вырубали лес?

— И та, и немножечко не та. Только этой Саше некогда плакать было, от усталости у нее ныли руки, подкашивались ноги, но она не отставала от взрослых, держала пилу в руках крепко. И руки у нее стали такими сильными, что запросто валили вековые сосны, дубы. Но, когда Саше исполнилось восемнадцать лет, ей сказали, что хватит ходить в лес и пилить дрова. Надо со всеми вместе переезжать в большое село и работать в колхозе, который только что родился на свет. В колхозе этом было много коров, так как стояло село недалеко от Оки и по другую сторону ее были богатые заливные луга. А я уже сказала, что у Саши были сильные руки. Узнал об этом председатель.

— Наш Иван Павлович Бабаев?

— Нет, другой был председатель. Еще строже. Вот, значит, узнал он, что у меня сильные руки, и послал доить колхозных коров.

— Да я знаю, что сказку эту ты про себя рассказы-

ваешь,—лукаво улыбнулся Леша,—но все равно интересно...

— На столе вместо кваса появилось молоко. Стали есть вволю и мясо, и масло, и кашу. А о хлебе уже никто и не думал. Но началась война. Все семеро мужчин, что были в семье, ушли на поле брани и все семеро сложили там свои головы. Вместе с ними погиб и твой дедушка. Работать приходилось еще больше, и в работе забыть горе. Слух о наших делах дошел до Кремля. Нас вызвали туда и выдали золотую звезду Героя. Мама твоя Клава выросла, вышла замуж за добра-молодца шофера, и ты вот уже какой большой стал. А мне трудно стало доить десять коров, и решила я перейти на какую-нибудь легкую работу. Но тут по селу прошел слух, что у соседней есть «елочка-выручалочка», которая за раз по двадцать коров доит. А всего эта «елочка» может доить по двести коров. И решили мы тогда не уходить с фермы до тех пор, пока не добудем «елочку» и не заставим ее работать за себя. Теперь и у нас есть «елочка». И служит она колхозу верную службу.

Леша помолчал немного, помялся, а потом робко спросил:

— Возьми меня, бабушка, с собой завтра на дойку. Мне хочется «елочку» посмотреть.

— Ну что же, возьму в обеденную дойку,—пообещала Александра Степановна.—А сейчас пойдем ужинать, а то старая бабушка, поди, беспокоится. Да и спать тебе уже пора, а то завтра в садик не разбудишь.

Как и всегда, Александра Степановна слову своему не изменила. В середине дня заехала она домой и забрала Лешу с собой на «елочку». Он встал в сторонке у доильной площадки и начал внимательно наблюдать, стараясь ничего не упустить. По обеим сторонам площадки загоны из жердей. Но коровы только в одном загоне. Второй загон пока свободен. Сюда будут прибывать коровы после дойки. Для них в кормушках уже припасен свежий зеленый корм.

Дана команда бригадира Анны Ивановны Горбуновой. Доярки подгоняют коров к площадке, открывают дверцы с одной стороны. Коровы привычно, без суетонок, занимают все двадцать станков и опускают головы в кормушки. Там уже засыпаны концентраты. Включаются вакуумнасосы. Мерно засопели компрессоры, за-

сасывая воздух. Александра Степановна, стоя на проходе доильной площадки, привычными движениями рук подвешивает стаканчики к соскам коров и наблюдает, как в контрольных стеклянных трубках пульсирует молоко. Ей помогают доярки Евдокия Тонина, Аграфена Сивова, Ольга Шаршукова. Одна из них подключает к дойке коров со второй стороны «елочки», другие массируют и подмывают вымя. Через доильные стаканчики и коллектор молоко проходит в резиновый шланг и под действием вакуума отсасывается в бидоны.

Дойка первой группы коров быстро заканчивается. Вся группа через вторые дверцы выпускается в свободный загон на кормление, а вместо них станки занимает следующая группа. Не проходит и двух часов, как все 160 коров подоены. Чтобы их подоить вручную, потребовалось бы шестнадцать человек. Облегчение большое.

Неподалеку отсюда от одного и того же трактора работает вторая доильная площадка. Там трудятся доярки под руководством Героя Социалистического Труда А. Ф. Ивкиной. Установлена и действует в колхозе третья «елочка». Теперь дойка всех колхозных коров механизирована. Это дает огромную выгоду хозяйству.

Теперь все в колхозе убедились в огромном преимуществе «елочки». Она позволила сократить 21 доярку, которые трудятся теперь на других работах. Уже зимой себестоимость литра молока упала до 8 копеек. А в летнее время она еще ниже. Удои коров почти не снизились, а жирность молока значительно повысилась.

А ведь сначала не все шло гладко. Коровы неохотно шли в «елочку». Приходилось с большим трудом загонять их в станки. Не было еще навыка у доярок: не умели как следует подключить доильные аппараты. Коровы беспокоились, не отдавали полностью молоко, дойка сильно затягивалась. Начали кое-где раздаваться голоса против «елочки».

Теперь же все трудности позади. Новое дело прочно вошло в практику, и его никто не в силах затормозить.

Большая заслуга в этом принадлежит Александре Степановне. Она всеми силами отстаивала «елочку», когда кто-либо мешал ее нормальной работе. Не один раз ходила она к председателю артели Ивану Павловичу Бабаеву и колхозному зоотехнику Ивану Дмитриевичу Кадаеву, чтобы ликвидировать те или иные неурядицы.

Александра Степановна всю свою жизнь настойчиво продвигает в практику животноводства новое, передовое, прогрессивное. Она рассуждает так:

— Когда в практику работы приходит новое, очень важно его защитить, отстоять. Иначе хорошее дело можно опорочить и погубить в самом зародыше. И потом уже труднее будет, потому что люди проникнутся к новому недоверием. Новое непривычно, и у него много если не врагов, то недоброжелателей. Очень важно посрамить скептиков. Мало внедрить новое, надо еще и вдохнуть в него жизнь.

Благодаря немалым усилиям А. С. Николаевой и А. Ф. Ивкиной завоевала право на жизнь «елочка» не только в колхозе «Дело Октября». Они, эти доярки, первыми в области применили ее у себя в хозяйстве и первые доказали ее преимущество. Многие делегации побывали у знатных доярок и научились у них правильно эксплуатировать «елочку». А это очень важно. Часто выезжают ижевские доярки и в другие хозяйства области, чтобы посмотреть, как там работают «елочки», какие недостатки имеются. Замеченные промахи устраняют на ходу.

Нам довелось недавно встретиться с Александрой Степановной в Ряжске в кабинете у первого секретаря райкома партии. Она только что побывала в колхозах района и высказывала свои соображения о виденном. Дельные, толковые были эти соображения. Чувствуется, что в новом деле у Николаевой уже накоплен богатый опыт, что ее живой, пылкий ум помог найти многие приемы, способствующие улучшению дела.

— Ваши доярки жалуются,—говорила она секретарю райкома,—что в «елочке» не полностью выдаиваются коровы и пытаются поддоить их потом руками. Не следует этого делать. Не надо животных приучать к ручному поддою. А чтобы молоко выдаивалось полностью, достаточно к концу дойки немного оттянуть доильные стаканчики.

Это только один из тех многочисленных советов, которые можно услышать из уст Александры Степановны. Она до конца остается верной своему давнишнему принципу: думать не только о своей работе, но и заботиться об общем подъеме, об интересах всего народа. Такое качество присуще только новым людям, воспитанным

нашей социалистической действительностью, людям, стремящимся к быстрому достижению великой цели человечества — коммунизма.

И коммунизм—это светлое, счастливое время—уже не отдаленное будущее, а с каждым днем растущая и крепнущая наша прекрасная новь. И каждый советский человек своим самоотверженным трудом на благо любимой Родины созидает, строит коммунизм, приближает заветное солнечное будущее, озаренное ярким немеркнущим светом великой Программы ленинской партии, принятой XXII съездом Коммунистической партии Советского Союза.

В славных рядах активных строителей коммунизма идет рязанская крестьянка, знатная доярка ижевского колхоза «Дело Октября», Герой Социалистического Труда Александра Степановна Николаева.

БЕСПОКОЙНАЯ ЮНОСТЬ

После школьного бала

Цветы... Музыка... Какие они сегодня все хорошие, эти девчонки и мальчишки.

Милые друзья, ведь этого уже никогда-никогда не будет. Последний раз мы собрались вместе, чтобы через несколько дней разлететься в разные концы. Когда-то еще нам придется увидеться...

В ушах еще звучат слова директора:

— Школа дала вам крылья. Летите смелее в жизнь, не бойтесь трудностей и непогоды. В борьбе с ними вы обретете силы, и ваши крылья станут на-

дежными и крепкими.

Нина смотрит на знакомые лица учителей, и ей кажется, что и они нынче помолодели. Это ничего, что у многих из них серебрится в голове седина и глубокие морщины пролегли на лбу. Смотрите, как заразительно смеются они, как искрятся весельем их счастливые глаза!

Нет, не хочется отдыхать от танцев. Сегодня, на этом выпускном балу, Нина прощается со своим беззаботным детством. Впереди—большая жизнь с радостями и невзгодами, впереди—искания, творчество, любовь, труд...

Пусть, не переставая, играет музыка!

...В распахнутые окна заглядывают густые зеленые

ветви старых вязов. Зачарованные музыкой, стоят, не шелохнутся, подростки-клёны. На белые подоконники легли мягкие, розовые отблески зари.

Тихая, нежная мелодия «Школьного вальса» осторожно проплыла по сцене, где расположился оркестр, разлилась по залу, хлынула в распахнутые окна, разбудила притихшие деревья, и они бесшумно, в такт музыке, качнули гибкими ветвями.

Нина кружилась в вальсе и про себя повторяла простые и задушевные слова благодарности первой учительнице, научившей ее любить жизнь, ценить дружбу, открывшей ей глаза на красоту и величие того, что окружает ее.

Нет, после бала они не разошлись по домам. Взявшись за руки, цепочкой, шли они по просыпающимся улицам родного города навстречу восходящему солнцу.

Что думали, о чем мечтали они, семнадцатилетние, в то первое утро самостоятельной жизни, куда собирались в поход, какие дали манили их?

Еще учась в школе, она решила стать педагогом. Нина любила алгебру, геометрию. Абстракции она схватывала очень быстро, и отвлеченные тригонометрические понятия, математические условности при решении задач в ее голове как бы конкретизировались, приобретали формы, объемы и расстояния.

Об этой любви знали и преподаватели, и одноклассники. Поэтому, когда услышали о ее решении поступить в пединститут на физико-математический факультет, никто не удивился. Все сочли выбор удачным, правильным.

Но в это утро старые решения были отвергнуты. Это утро все изменило.

Они шли по родному городу в час его пробуждения. С каждой минутой улицы наполнялись шумом; побежали троллейбусы, одна за другой пошли автомашины, медленно, поднимая и опуская железные руки, задвигались башенные краны, высоко над землей на серых массивных блоках засуетились монтажники, на бульварах и скверах садовники поливали цветы.

Это была сама жизнь. В повседневном труде тех, кто вел машины, управлял кранами, поливал цветы, была часть того огромного и разнообразного, что составляло жизнь.

Навстречу выпускникам шло несколько парней и дев-

чат в запачканных краской комбинезонах. Они шли, подхватив друг друга под руки, веселые, загорелые. И, когда поравнялись, самая маленькая из девушек, в светлой косынке, из-под которой выбивалась озорная рыжая кудряшка, приветливо улыбнулась.

— Ребятишки, пошли с нами!

Почему с такой завистью Нина посмотрела им вслед, почему вдруг задумчивой стала она после встречи с молодыми строителями?

В это утро она еще раз и, пожалуй, гораздо серьезнее, чем раньше, думала о своем месте в жизни.

Почему она, теперь уже взрослая, опять должна сесть за книги, почему ее заботы будут только о предстоящих экзаменах, семинарах и конференциях? Десять лет о ней заботились мать, учителя, Родина. Она окончила десятилетку. Но если оглянуться на прошлое, то в нем одни лишь заботы о ней. А где же ее заботы о матери, старших товарищах, которые помогли ей получить образование, выйти в жизнь, где ее заботы о стране, в которой она выросла, которая ее воспитала.

Намного ли старше та девушка в комбинезоне, пригласившая их с собой! Разве в настоящую жизнь дороги ведут только через институт, разве жизнь лучше познается в лекционных залах?

Нет, она будет работать. У нее такие сильные, неутомимые руки, в ней столько энергии. Она пойдет работать на стройку. Там она будет трудиться и продолжать учебу.

Искания или ошибки?

Нина пришла на стройку. В отделе кадров ей предложили работу в конторе, но она наотрез отказалась. Разве за этим она шла сюда, чтобы перебрасывать костяшки счетов, разве молодое сердце ее рвалось в канцелярию?

Ее влекли звенящие, гибкие леса новостроек, шум и скрежет бульдозеров и башенных кранов. Ее тянуло туда, где люди творили, рождая из железа и бетона корпуса новых заводов, жилых домов, школ. Там на ее глазах от фундамента до верхнего карниза будут расти, вздыматься дома, и она—вчерашняя десятиклассница—будет их строителем.

Если действительно любишь дело, за которое взялся, то даже неудачи и трудности не испугают, и на место чистой, юношеской романтики не придет обывательская скука и разочарование.

На стройке ей все приходилось делать: таскать кирпичи, рыть траншеи, выметать мусор. Было трудно. От усталости болели руки, спина. Но наутро, отдохнувшая, как всегда веселая, положив в карман комбинезона завтрак, она снова торопилась на стройку.

Романтика не оставляла ее. Каждый день Нина находила в жизни что-то новое и красивое. Она любила жизнь, и потому жизнь несла ей радость.

Работа захватила девушку. Ей так полюбились новые друзья — штукатуры и каменщики, маляры и такелажники, что теперь она даже не знала, кто ей дороже: те, с которыми десять лет проучилась в школе, или же новые друзья, с которыми сроднилась на стройке. И те и другие были ее настоящими друзьями.

Однако, как ни увлекалась Нина работой, мысль об учебе не покидала. Она училась у товарищей, интересовалась работой строителей и отделочников. Но все это было не то, о чем она мечтала: она хотела крепких, глубоких знаний. И вскоре поступила в техническое училище при заводе счетно-аналитических машин.

Теперь она с головой ушла в учебники и чертежи. Как и всегда, была во всем аккуратной, исполнительной.

Учеба давалась легко. Все шло хорошо. Но отчего же вдруг сердце девичье растревожилось?

Она встретила его на комсомольском собрании. Встретила и не обратила внимания. Разве мало хороших ребят в их группе. Только когда стал выступать, рассказывать, как он и его товарищи помогают неуспевающим, как после занятий посещают спортивные секции, она все пристальней вглядывалась в тонкие черты его лица и почему-то волновалась.

Но это было давно. Потом они вместе работали на одном заводе: она — токарем, он — слесарем. Вечерами ходили в кино, на каток. Она даже и не заметила, как этот высокий стройный парень стал для нее любимым.

Больше года Нина проработала на заводе. Вначале ее увлекала новая профессия. Ей нравились светлые просторные цехи, аккуратность и чистота на заводе. Она с уважением относилась к умным станкам, сверкающим

полировкой и никелем. Она любила свой цех, свой станок, своих товарищей, но...

Это была не та любовь, что на стройке. Видно, там оставила она свое сердце, и оно с каждым днем все настойчивее звало ее туда, где призывно звенели леса, где, не смолкая, шумели моторы.

Даже ночью, во сне, она видела каркасы строящихся домов, ощущала знакомые запахи красок и смолистых пружинистых лесов.

И опять, как в то утро после школьного бала, она поняла, что ее место на стройке, что ей суждено жить беспокойной и нелегкой жизнью строителя.

Нина снова вернулась на стройку и теперь навсегда. Это были не ошибки, а упорные искания пути в жизнь.

Я люблю тебя, жизнь

Об Анне Ивановне Илларионовой — бригадире прославленной бригады маляров Нина слышала много хорошего. Втайне она мечтала поработать рядом с этой замечательной труженицей, Героем Социалистического Труда. И какова же была ее радость, когда узнала, что ее и еще пятнадцать молодых девчат Анна Ивановна взяла в свою бригаду.

В первый же день Илларионова показала своим ученицам, как надо красить потолки, как накладывать папку.

Девушка жадно следила за своим бригадиром, стараясь запомнить ее неторопливые, уверенные движения. Кажется, все просто и понятно, что особенного пропаклевать и покрасить потолок?

Но это только казалось. Наложить на потолки ровную гладкую краску — дело далеко не легкое и быстрое.

Нина старалась изо всех сил, и уже через несколько минут у нее кружилась запрокинутая голова, руки отказывались держать кисть. Мазки ложились вкривь и вкось, краска плыла.

В комнату, где работали новички, заглядывали опытные рабочие. Несколько раз заходила Анна Ивановна. Улыбаясь, смотрела на раскрасневшихся девчат, брала кисть, показывала, как удобнее ее держать, как выравнивать мазки.

— Ничего, девочки, научитесь. У меня ведь тоже не все сразу получалось. Отдохните, не торопитесь.

Она обняла Нину и Веру Гетманову, заглянула им в глаза.

— Вижу, стараетесь, а это самое главное. Не горюйте, будете хорошими строителями.

Как дороги были эти теплые, искренние слова. Нина с благодарностью смотрела на Илларионову. Внимательный заботливый взгляд этой женщины напомнил ей взгляд матери и первой школьной учительницы. У них тоже были такие же глаза, когда Нине было трудно и она искала поддержки и совета у взрослых.

Шло время. Нина старательно перенимала опыт, присматривалась к работе окружающих. По вечерам читала брошюры об опыте передовых маляров. Она готовилась к сдаче экзаменов. Ей и подругам должны были присвоить квалификационные разряды. В комиссии, принимавшей экзамены, были прорабы, мастера, лучшие маляры управления и, конечно, их бригадир Анна Иванова.

Нина отвечала бойко, без запинок рассказала об устройстве краскопульты, показала, как ведется обработка подоконников перед окраской.

Ее ответом остались довольны: в тот день ей присвоили четвертый разряд.

С каждым месяцем дела у девчат шли все лучше и лучше. Работа не утомляла их, как раньше, а становилась все легче и радостней. Нину опять потянуло к знаниям. Девушка понимала, что учиться необходимо, что это ее комсомольский долг, долг члена бригады коммунистического труда. Она снова поступает учиться, но на этот раз уже во Всесоюзный заочный политехнический институт на факультет промышленного и гражданского строительства.

Ночами просиживала над чертежами и схемами и все же сдает начертательную геометрию. На втором курсе новые трудности — с высшей математикой. Но старания и труд преодолели и эту преграду: экзамен по высшей математике сдан, и Нина переведена на третий курс.

...Жизнь идет. Теперь Нина — опытный маляр прославленной бригады, она лучшая производственница 24-го строительного управления, передовой человек треста «Рязаньжилстрой».

...Жизнь идет. Парень, которого она когда-то встретила на комсомольском собрании — Владимир Чернобровкин, — ее муж.

У Нины Чернобровкиной много радостей в жизни. Весной она была в Кремле — на Всесоюзном совещании молодых строителей—и там еще глубже поняла, как необходимы сейчас большие и прочные знания. Молодые рабочие, выступавшие в Кремлевском дворце, рассказывали о себе и своих товарищах, работающих в Новосибирске и Братске, в Ангарске и Челябинске. Все они — передовики производства, студенты техникумов и вузов.

Нина тоже продолжает учиться. В летнюю сессию она сдала все семь экзаменов и перешла на четвертый курс.

Ее радости — в книгах, чертежах, учебе, в творческом, вдохновенном труде.

Каждая улица родного города — веха в ее строительной биографии. Здесь она отделявала школу, здесь жилой дом, здесь готовила к сдаче новый драматический театр.

Сколько радости, тепла и счастья успели принести людям ее беспокойное сердце, ее трудолюбивые руки.

Только в одном новом театре бригада обработала свыше десяти тысяч квадратных метров потолков и стен. Сколько раз они задерживались здесь до глубоких сумерек, не уходили на обед, чтобы досрочно закончить здание, чтобы быстрее подарить горожанам замечательный театр.

А по вечерам она долго сидела над книгой, небольшой по формату и скромно изданной. Она листала ее страницы, и перед глазами проходили этапы великой борьбы партии за счастье и свободу на земле. Она с упоением читала ту книгу, что стала настольной книгой каждого советского человека, — Программу Коммунистической партии Советского Союза.

Мы будем жить при коммунизме! Это же замечательно!

То, что, кажется, совсем недавно было мечтой, стало явью, реальной действительностью.

Она читает раздел о воспитании коммунистической сознательности. В центре воспитательной работы партия ставит коммунистическое отношение к труду, всякий

труд на пользу общества уважаем и почетен... Нина задумывается, перед ее глазами встают товарищи по работе — передовые строители треста Анна Илларионова, Василий Алешин, Владимир Ястребов, Яков Негоднов, Зинаида Радучич, которых она глубоко уважает, которые служат для нее примером.

Здесь, на большой стройке, так много друзей, задушевных товарищей, и она — молодой строитель—идет с ними в ногу по светлой и широкой дороге, озаренной XXII съездом ленинской партии, счастливая и гордая, молодая хозяйка страны, строитель коммунистического общества.

...Жизнь идет, и по ней уверенно шагает в коммунизм комсомолка Нина Чернобровкина. Ее путь к мастерству труден, но верен. Теперь она убедилась, что крылья действительно крепнут в полете и борьбе.

Она любит эту жизнь, неизмеримую и вечную, со всеми тревогами и радостями.

Ты слышишь?.. Это поет молодость.

— Я люблю тебя, жизнь!

ОГНИ НАД ОКОЙ

Кому из рязанцев не доводилось любоваться с борта парохода веселыми огнями над Окой? Когда сумерки окутывают землю и вода становится черной, вспыхивают огни на берегах; струятся, дрожат в воде раскаленными спиральями, рассыпаются в ней мириадами ослепительных искр. Светятся окна прибрежных построек и пристаней, светятся бакены и створные огни.. Хорошо на реке, когда по берегам горят веселые огни!

Хорошо и безопасно при них: пароход никогда не сядет на мель, не уткнется в берег, будет идти глубоким, выверенным фарватером... Однако что это? Они движутся! Вон те два огонька упрямо движутся друг к другу, будто кто-то невидимый держит в руках фонари и ради шутки сводит их вместе, совмещает в один яркий огонь... Мы вошли в створ.

Был тихий летний вечер. Большая Медведица опустила свой ковш в воду да так и оставила его там... Где-то за поворотом скрылись Новоселки, которые мы покинули, когда уже зажгались огни. Там живет обыкновенная русская женщина Наталья Егоровна Баранова; она, должно быть, тоже зажгла свой огонек и теперь сидит, уткнувшись в ладони подбородком, смотрит перед собой, растревоженная воспоминаниями...

Из Новоселок эвакуировали скот. Мычали коровы, тянули влажные морды к людям, будто спрашивая: куда вы нас, куда вы нас гоните?.. Они кидались в воду, раздувая ноздри, плыли к правому берегу; их перехватывали, бесцеремонно загоняли на паром и снова возвращали обратно. Кто-то в озлоблении ударил упрямую телушку, другой ласково потрепал ее по мокрой, словно бы дымящейся, холке: иди, мол, иди, глупая, не видишь — беда?.. Парным молоком, навозным теплом обдавало людей; сбивались в гурты коровы, заворачивали головы, оглашая воздух тревожным, прощальным мыком. Скотина не хотела уходить из родных мест... А каково было людям?

Всадница натянула повод, и лошадка, изогнув гривастую шею, замерла у крутояра. Совсем недавно здесь горели мирные рыбацьи костры. Любители стерляжьей ухи рылись в илистом берегу, добывая мормышку, забрасывали чуть ли не до середины реки длиннющие донки, а потом долго и сторожко прислушивались: не звякнет ли колокольчик, сделанный для большей надежности из медной гильзы шестнадцатого калибра... Привстав на стременах, всадница из-под ладони посмотрела на реку. Студеная, осенняя, она незримо катила свои воды, казалась недвижной и холодно поблескивала при неверном свете луны. Ока, родная Ока, доведется ли вернуться к твоим берегам, скоро ли?

Тяжело было покидать Егоровне милые сердцу Новоселки. Перебирая поводья, она смотрела на противоположный берег, где по изрезанному оврагами взгорью разбежались дома, высились совхозные постройки, и думала. Поди вспомни теперь, о чём думала тогда эта русоволосая с добрыми голубыми глазами женщина. Она смотрела на реку, беззвучно шевеля губами, и мысли ее, как воды реки, плыли так же незримо, омывая прошлые годы...

В стародавние времена на том, на правом берегу, жили два помещика — имения их располагались рядом, разорвав крестьянскую землю на два куска, — и жила была девочка-сирота. В ней, в забитой и нелюдимой, Егоровна с трудом узнает себя. В пестрядинном зала-танном платье, оставшемся от покойной матери, в стоптанных башмаках, которые некому было чинить, она батрачила у ближнего богатея за похлебку и ломоть

хлеба. Слишком много лет прошло с тех пор, и барщина виделась Егоровне, будто во сне. Будто в тяжелом, кошмарном сне свистела барская плетка, полосуюя холопские спины, и крестьяне, задыхаясь от безземелья, молили господа бога ниспослать на них свою милость.

Потом пришла революция, а с нею и настоящая жизнь, вздохнули мужики. Это запомнилось крепко, да и как не запомнить тех радостных дней, когда сирота обрела большую семью, стала полновластной хозяйкой? Советская власть дала ей все, потребовав взамен лишь добросовестный труд во имя общего блага... Она трудилась, хорошо трудилась, и даже злые языки не могли сказать про нее ничего худого. Коровы, как дети, ходили за ней, за версту узнавали...

Может, так думала Егоровна, а может быть, по-другому, только не могла она оторвать взгляда от правого берега, где прошли ее горькое детство, девичество и вдовья жизнь, вся до последнего, вчерашнего дня, когда директор совхоза, собрав активистов, сказал:

— Враг у порога, есть приказ угнать скот на Волгу, к Саратову.

Этот представительный, уже начавший полнеть человек, говорил тихим голосом и, казалось, невозмутимо. Бывший красный партизан, большевик, он принимал активное участие в установлении Советской власти на Рязанщине и теперь, как всегда, давал указания спокойно и деловито. Коротко обрисовав обстановку, он назвал фамилии тех, кто должен был эвакуировать совхозные стада. Имя Натальи Егоровны Барановой было названо одним из первых. К тому времени она работала бригадиром, готовилась стать членом Коммунистической партии...

Враг шел на Рязань. Звенели окна, дыбилась от взрывов земля, застилала небо, застила солнце тягучая черная туча.

— Мы вернемся, мы очень скоро вернемся, — шептала женщина, а сама все смотрела, смотрела, будто хотела вобрать взглядом, унести с собой родные приокские дали. Тронула повод, повернула лошадку и, не оглядываясь, пустила ее в рысь вслед за гуртами, уходящими к Волге.

Брели гурты, гонимые бедой, коровы в кровь разбивали ноги. Больно было видеть Егоровне, как вытягива-

ла шею привязанная к телеге ведерница «Пантера», обу-тая в кожаные чулки: ящур начинал разъедать межко-пытные щели.

Ящур и бруцеллез остановили их на полпути, загнали в лес... Наступала зима, какой не помнили старожилы: замерзали коровы, обмораживались люди.

— Хватили коровушки горя: мороз в ту пору люто-вал не хуже фашиста, — вспоминает Егоровна, вспоми-нает так, словно самой ее не было там, среди тех, очень выносливых и сильных, которые жили в лесу, мерзли на колючем ветру, спасая совхозный скот.

Небольшого роста, широкая в кости и, несмотря на свои пятьдесят четыре года, по-прежнему моложавая, она говорит неторопливо, спокойно, и лишь натруженные коричневые руки чаще, чем обычно, оправляют черную, по-старушечьи повязанную шаль. Нет, эта шаль, выши-тая по кромке желтой стежкой, совсем не старит ее. И нам нетрудно представить Егоровну верхом на ма-ленькой смоленской лошади у крутояра... Смеется:

— Я вот на пенсию уйду скоро, — смеется, а говорит вполне серьезно. Она убеждена, что не следует мешать молодым выходить на дорогу: — Оно ведь как ни бод-рись, а годы свое берут, да и потом всегда хорошо во-время передать дело в молодые руки.

Вспомнила о недавнем споре с одним стариком, ко-торый собирался проработать лет до восьмидесяти, ру-кой махнула, дескать, а кому от этого польза? Собствен-ному самолюбию.

— Хорохорится, а то не чувствует, что смелость рас-терял, не может вовремя уступить дорогу сильнейшему. Думаете, легко это — уступить дорогу? Тяжело, а на-до. Для пользы общего дела надо. Да, для нашего об-щего дела.

Вернулась Егоровна в Новоселки, все вернулись. Нелегко было снова разживаться: женщины доили коров и на них же возили сено, днем работали доярками, а в ночь уходили пасти скот. И мало-помалу восстанавли-валось совхозное хозяйство, крепло, набирало прежнюю силу. Вместе с другими работала и Наталья Егоровна, вместе с другими ездила закупать коров, заботливо ухаживала за скотом, и, как прежде, руки ее ласково разминали податливое вымя, огрубелые в работе корич-невые руки... В ту пору еще никто в их местах не приме-

нял современной «елочки», доили вручную. Бывало, придет Егоровна домой и долго не может унять ноющей боли в суставах, не знает, куда деть свои руки, прижмет под мышками и ходит, ходит по комнате, забыв о том, что надо бы поесть, лечь спать.

Шли годы, они брали свое. Обострившаяся болезнь не позволяла дольше ухаживать за коровами, попросилась Егоровна на птичник, благо и там хлопот полный рот. Мало что крохотная пичужка, не больше воробья, а когда таких «воробьев» многие тысячи — не рассидишься. Взятые из инкубатора, прямо из-под «наседки», желторотые птенцы требовали к себе двойного внимания, они не считались с тем, что ты уже не молода, что за плечами у тебя долгие беспокойные годы...

Вот уже тридцать два года трудится в совхозе Наталья Егоровна, и не было случая, чтобы ее упрекнули в лени, в нерасторопности.

— Безотказная, со временем не считается, — говорит о ней бригадир птицеводческой фермы Анна Федоровна Гаранжа, — да и вся у нас «гвардия» такая, все в возрасте, работают на птичнике по десять—двенадцать лет: Потояло Инна Петровна, Гусева Мария Васильевна, ну и Наталья Егоровна, само собой.

Нам показалось, что бригадиру чем-то не понравилось наше стремление как-то выделить, обособить одну Баранову... Исподволь выпрашиваем, а, мол, сколько вы работаете здесь, мол, каковы ваши, личные достижения? Не говорит о личном Гаранжа, с трудом удалось вытянуть, что работает она на птичнике третий год, а до этого была бухгалтером, а еще до этого — на фронте, на Южном, на Первом и Втором украинских фронтах... Там, где была эта женщина, свистели пули, рвались снаряды, а здесь, в этом обиталище желторотых птенцов, царил мир, выводили ласковые, соловьиные трели пушистые, беззащитные пичуги. И было немного странно видеть, как эта маленькая женщина, знакомая с автоматом, брала в свои руки птенцов, разговаривала с ними нежно, сентиментально:

— Ну, что ты, глупый, куда ты выскочил?

Повела в другое помещение. Здесь уже оперившиеся белые курочки и петушки, тоже белые, но с твердыми рубиновыми гребешками... Сыпанули от нас, как волны в отлив, взвихрились кипенью. Одна курочка метнулась

через двор, юркнула в конюшню, и Анна Федоровна на минутку оставила нас, побежала «поругаться» с конюхами... Очень это неприятно, когда по-соседству цыплята и лошади, подсадовала: неужели трудно отгородить, прибить две—три доски? И, смущенно улыбнувшись, поинтересовалась:

— А можно, чтобы и о других птичниках напечатать? О Гусевой, например...

Валентина Михайловна Ермакова, старший зоотехник совхоза, выразилась менее дипломатично, спросила прямо:

— А почему вы решили написать о Барановой? Почему не о Шустиковой из Никуличей, не о Дюковой или не о доярке Шатровой Марии Семеновне?

В самом деле, почему?..

Валентину Михайловну, эту энергичную женщину, мы встретили в производственном отделе совхоза. С лицом и руками, покрытыми крепким загаром, она несколько не походила на канцелярского работника: видать, бывала в конторе набегом, по неотложным делам, а остальное время разъезжала по своему обширному хозяйству... Она с кем-то спорила по телефону:

— А я говорю — нестандартных забрать. В ящик — и обратно в совхоз везите, не оставляйте, говорю, везите обратно!

Мы еще не знали, в чем тут дело, но, слушая то, с какой непримиримой категоричностью, убежденностью в своей правоте, отдавала она указания, почувствовали: это — хозяйка, она не позволит обвести себя вокруг пальца. В ее голосе было столько искреннего возмущения тем, что кто-то, объявляя партию птицы нестандартной, все же находил возможным не возвращать ее. Знать, было выгодно кому-то изредка принимать и нестандартную совхозную птицу...

Перед тем как встретиться с Валентиной Михайловной, мы успели навести кое-какие справки и теперь, наблюдая ее, что называется, в действии, невольно прониклись к ней уважением. У этой женщины все получалось как-то очень уж добротнo, по-настоящему, по-хозяйски. Через час в конторе намечалось партийное бюро, и старшему зоотехнику надо было в срочном порядке выверить, уточнить список помещений, нуждающихся в ремонте, а тут еще телефон звонит беспрерывно,

а тут еще мы со своими вопросами. Впрочем, она довольно удачно совмещала все это.

Судя по тому, с каким, мы бы сказали, интимным знанием она посвящала нас в совхозные дела и судьбы животноводов, было ясно, что человек этот не просто исполняет какие-то обязанности, он врос в свою работу. Не ошиблась Наталья Егоровна, посоветовав нам обратиться к старшему зоотехнику совхоза:

— Она все знает, она и обскажет. Мне о себе-то вроде и неловко... Эвакуация была, это верно — трудно было, да только разве мне одной?

Валентина Михайловна рассказывала о птичнице Гусевой, которая «очень здорово разбирается в птице» и сама ездит получать ее из инкубаторов; о том, что самая тяжелая на ферме работа — выращивание молодняка. Их ведь, цыплят, восемь раз покормить надо, уследить, чтобы лапки не испортили, бумагу подкладывать. Иные норовят из батареи выпрыгнуть, не заметишь — пропал птенец, а значит, курица пропала! Доказывала с каким-то непонятным упорством, что Потояло работает несколько не хуже Барановой... Вольно или невольно, но получалось так, что старший зоотехник как бы сомневалась в достоинствах нашей героини. Спрашиваем напрямик:

— А что, Баранова плохо работает?

— Обыкновенная птичница, как все, — пожимает плечами Валентина Михайловна, — безотказная, заботливая, со временем не считается. До этого была замечательной дояркой, а когда вывозили цыплят на пастбища, ночевала с ними первые дни. Это вполне ясно: птичницы там были молодые, малоопытные, надо было поучить...

Нам отчего-то подумалось, что если бы мы пришли и заявили, что хотим написать, скажем, о птичнице Дюковой, Валентина Михайловна непременно и с такой же искренностью удивилась бы: а почему не о Барановой?.. Это, пожалуй, и есть самое главное, самое важное, когда так трудно выделить из коллектива одного человека, когда хочется рассказать и о том и об этом, обо всех сразу... И еще подумалось: а хорошо бы написать о самой Ермаковой.

Беспокойная должность старшего зоотехника, особенно, когда на его попечении несколько отделений, не-

сколько разбросанных друг от друга деревень: Никуличи, Дядьково, Новоселки... Просто объехать и то уйма времени уйдет, ну, а если во все вникнуть, во всем разобраться, подсказать, поспорить, наконец, — дня не хватит! Валентина Михайловна рассказывает охотно, только опять же не о себе, а о том, что вот надо бы успеть до осенних дождей управиться с ремонтом животноводческих помещений, обеспечить скот и птицу необходимыми кормами. А теперь вот действует механизированный птичник, дело для совхоза новое, а поэтому и внимания требует особенного. Увлекается, перечисляет выгоды совхоза от внедрения механизации... Нет, совхоз не строил специального помещения, приспособили, переоборудовали овчарник, коровник и склад. В этом обновленном помещении уже сейчас содержится 2600 голов птицы, а в недалеком будущем их число почти удвоится. Ручной труд в птичнике сведен до минимума: оборудовали, например, кормоприготовительный цех, за счет которого подготовка и раздача кормов сокращена до 15—20 минут, тогда как в старом птичнике на это уходило четыре часа.

— Впрочем, что же я рассказываю? Рязанское книжное издательство выпустило специальный плакат: в нем все данные о механизированной птицеферме совхоза перечислены, — спохватилась вдруг Валентина Михайловна. — наглядно, с фотографиями... Между прочим, в него попала и Баранова.

— Как то есть попала?

— Случайно, в объектив. Вернее, не то, чтобы случайно, а вместо нее могла оказаться и Гусева, например.

— А если бы на фотографии оказалась Гусева, это произошло бы тоже случайно?

— Конечно.

Нет, эта женщина положительно неисправима! Она одинаково уважала — знать, было за что — всех птичниц и ревниво, как хорошая мать, оберегала достоинство каждой... Впрочем, сравнение с матерью здесь, пожалуй, не очень к месту: почти каждой из птичниц старший зоотехник годилась бы в дочери. Вот она и не может ответить прямо: кто же из них лучше. Для нее, как для любящей дочери, «обе лучше».

...В третий раз слышим о Наталье Егоровне: безотказная, со временем не считается... Теперь об этом го-

ворит секретарь парткома Петр Федорович Заикин. Он выдвигает ящики-картотеки, некоторое время перебирает бланки, находит нужную: «Баранова Наталья Егоровна, 1907 года рождения, член КПСС с июля 1944 года...» Что ж, невозможно запомнить стаж всех совхозных коммунистов—их много—и потом, не мешая уточнить факты, когда имеешь дело с представителями печати. Именно с таким выражением рылся в своей картотеке партийный секретарь.

Мало-помалу разговорились, с лица Петра Федоровича исчезло выражение подчеркнутой официальности, и сам он сделался как-то непосредственнее, душевнее. Нет, не по анкетам знает коммунистов совхоза секретарь. Одна беда у него, общая с нашей: трудно ему рассказывать о хорошем человеке... Обыкновенная коммунистка, активная, работает добросовестно.

— На собраниях критикует смело и прямо, не взирая на лица... Можно и конкретнее. Вот, к примеру, кончился у них птичий корм, а нового своевременно не завезли. Потребовала. Словом, принципиальная, заботливая птичница.

Чего греха таить, научились мы писать фельетоны... Научились выявлять — вскрывать отрицательное. Это легче: плохое всегда выпирает, кричит. Хорошее — не приметно, естественно, как родниковая вода: век пил бы, не отрывался, а спросят, чем хороша, — не ответишь сразу.

Действительно, чем?

— Так ведь она же чистая! — так разрешил наши сомнения бритоголовый мальчишка, который возвращался с отцом с рыбалки и порядочно надоел нам за дорогу. Он не собирался проводить какие-то аналогии, просто лез под руку, невежливый ребенок, невоспитанный. Ему непременно хотелось чем-то обратить на себя внимание взрослых, умудренных жизненным опытом людей... Допытывался, разглядывая плакат, который нам подарили в совхозе, а что это за домики сфотографированы, что за бабушка с ведром: — Она ваша мама, да?

— Цыплятница.

Этого было достаточно: городской мальчишка, никогда не державший в руках живого цыпленка, смотрел на нас восторженными глазами. Многочисленные вопросы посыпались с такой неудержимой стремительностью, что

нам не осталось ничего другого, как извлечь блокнот с записями. Ему, этому мальчишке, непременно хотелось знать: чем кормят цыплят, и как они «вылупляются», и что такое инкубатор, и едят ли они хлеб, или на хлеб они совсем не клюют?..

Нет, отчего же, клюют, только вначале им дают мелкую крошку из круто сваренных яиц, а потом, когда подрастут, насыпают в корытца специальный и тоже очень питательный корм. Ну, а когда они покинут трехэтажные батареи, эти общежития на 1200 цыплят, хорошо едят и траву: шпинат, молодую крапиву, лебеду... Впрочем, нет, лебедой их кормить ни в коем случае нельзя, от нее у них глаза желтеют. Так, по крайней мере, утверждает Наталья Егоровна, а уж ей-то доподлинно известно, чем кормить цыплят, как при многих десятках тысяч голов птицы добиться девяноста семи процентов сохранности, когда и какая курочка «яйцо покажет»...

Наконец любопытный рыбачок утомился, свернувшись калачиком на скамье, задремал. Он смешно надувал губы, чмокал ими, пуская пузыри, и улыбался во сне: должно быть, снился ему здоровенный язь, который совсем не сорвался, а прямехонько угодил сачок... Все-таки, это был хороший мальчишка, обыкновенный.

Мы вышли на палубу. По-прежнему было тихо, лишь дремотно журчала вода у бортов, к берегам бежали пологие волны, и в них, в этих волнах, покачивался забытый серебряный ковш Большой Медведицы. Впереди неумоимо горели огни.

ПОДВИГ В ТРУДЕ

Деревня Михайловка. Низкие, под соломенной крышей избы... Вблизи речка Паника, узенькая и мелкая. В иное засушливое лето она едва-едва перекачивает свои мелкие волны через серые камешки на песчаном дне. Обогнув Михайловку, берет направление на село Богородицкое, затем на Чернаву, на Прямоглядово и на самой границе Рязанской области с Липецкой впадает в Дон.

Тихий Дон, седой Дон, молчаливый свидетель татарских набегов, кровопролитных битв во время гражданской войны и немецко-фашистского нашествия около двух десятков лет назад. Спокойно несешь ты свои воды далеко на юг, где породнил тебя Волго-Донской канал с великой русской рекой. И сколько же на этом пути вливается в твое русло таких же маленьких речек, как Паника! Из Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Курской областей пробиваются они к тебе по низинным лугам, меж кочек, заросших ивняком и осокой, все более набирая сил, чтоб вечно ты был полноводным. И, уж верно, при свете луны, встречаясь с тобою, каждая такая речушка шепотом, похожим на шелест камышей, рассказывает о тех местах, где она родилась, о тех людях, которых встречала, о их делах, чаяниях и думах. Много знаешь ты, тихий Дон, многому

ты свидетель. Да и как не знать, если водами своими омываешь ты земли в самом сердце России!

За Паникой синеют небольшой лес и старый, уже выродившийся сад, сквозь ветви которого просвечивает помутневший от времени, заросший травой пруд. За прудом зеленый, болотистый, с пружинистыми кочками луг. А дальше, куда ни кинешь взгляд, поля и поля.

В деревне Михайловке родилась и выросла Мария Григорьевна Петрова — знатная свинарка, Герой Социалистического Труда. Давно то было, лет сорок назад. Но и теперь в памяти Марии Григорьевны еще ярки картины далекого детства. Задумается иногда о своей жизни, о пройденном пути, и явственно предстает перед глазами маленькая речка, дом под соломенной крышей и черствая краюшка хлеба на столе. Окончила только четырехлетку. Учиться бы дальше, да школа далеко, к тому же и нужда одолела.

Помнит Мария Григорьевна, как задумался тогда отец — Григорий Иванович, помрачнел. Легко ли соznавать родителю, что ребенок недоучкой останется. «Жизнь-то ноне другая наступает, — размышлял он. — Колхоз создали, сообща трудимся. И чувствуем уже, что не хватает нам грамотенки. Вот и меня пасечным делом руководить посылают, а какой из меня пчеловод, ежели я и читать-то только по складам могу».

— Была бы Марусенька парнем, — успокаивала мать отца, — тогда иное дело. А то ведь девчонка: выйдет замуж, и вся ее ученость задарма слетит. Ты вон на кого очи-то свои устреми — на Ванюшку. Скоро в школу, а мальчонке ни на плечи, ни на ноги натянуть нечего.

Не пришлось Марии в то время учиться дальше. Когда два работала дома, по хозяйству, иногда приходила к отцу на пасеку, чтобы помочь и ему. Но все это было не то, о чем мечтала прежде. Хотелось самой заработать деньги, принести домой и положить на стол перед матерью: вот, мол, тебе, мама, купи Ванюшке обувку.

И не вытерпела однажды, тайком от матери пошла в совхоз, к директору.

Была первая половина апреля — сырое и скучное в здешних местах время. Едва ступишь за порог, как сразу же увязнешь в грязи по колено. Дорога черная, липкая, в лужах. И сойти с нее нельзя — справа и слева раскишие зяблевые поля.

Как ни промокла, как ни устала Маруся, но дошла. Посмотрел директор на ее маленькую, почти детскую фигурку и улыбнулся:

— В свинарки принять? Мала еще, беги-ка домой к матери.

— Мне семнадцать уже, — едва удерживая слезы, спрашивала Маруся.

— Семнадцать?—удивился директор и не поверил.— А метрики есть? Потеряла, говоришь? Тогда иди в Чернаву, в больницу, пусть там определяют, сколько тебе лет.

Идти в больницу было страшновато не потому, что слишком далеко в такую слякоть. Нет, Маруся дороги не боялась. Ее пугало одно: а вдруг действительно узнают, что по годам для работы в совхозе она еще не подходит.

И все же пошла. К счастью, врач оказался добрым. Он внимательно выслушал доводы Маруси о ее «доподлинном» возрасте, о том, как ей хочется в совхоз, и написал справку, накинув сразу четыре года. От неожиданности у девушки даже сердце похолодело: «Ведь мне бы пару годочков только, а так-то директор и вовсе не поверит...».

Бригадир совхозной фермы выделил в группу Маруси двадцать свинок: принимай, мол, если такая бойкая.

Девушка взяла ведро, пошла на кухню за мешанкой. Свинарки с любопытством и сожалением посмотрели на нее, зашептались:

— Не надломилась бы, слишком уж мала.

— Рановато приняли, дитя ведь еще..

Вот и чан, огромный, на высокой плите. Маруся поднялась на грязную скамейку, нагнулась, опустила ведро. Ан нет, никак не дотянешься. Свесилась через край и... чудом удержалась, не свалилась в чан, в жидкую мешанку.

«Вот ославилась бы на весь совхоз!» — краснея за свою неловкость, подумала девушка.

Зато каким радостным, каким светлым для Маруси был день первой получки! Девушка шла домой, не чувствуя под собой ног. «Ведь вот как интересно выходит, — думала она, — всего полмесяца назад, когда я шла устраиваться на работу, здесь, на этой дороге, была непролазная грязь. А сейчас сухо, даже немножко пылит. И дорога ровная, гладкая, хоть в лапту на ней

играй. Справа и слева, где была зябь, уже сеялки прошли. А как ярко светит солнце! Все изменилось, все стало по-весеннему свежим и красивым. И я тоже изменилась — уже не та прежняя девчонка, а настоящая работница, свинарка. И сколько же радостей будет у меня впереди!».

Пришла домой. Мать, сестренка Танюшка и Ваня — на огороде, грядки копают. Отец тоже там. Подошла к ним и, взволнованная, протянула матери деньги:

— Вот, мама, братишке на валенки.

Все притихли. Желтый мотылек, зигзагами пролетев над грядкой, сел на черенок воткнутой в землю лопаты.

— Доченька ты моя, — дрогнувшим голосом проговорила мать, — до зимы-то, слава богу, еще далеко. Я видела в магазине платишко, как раз для тебя. Пойдем вместе, купим. Ведь скоро Первомай...

Все больше и больше осваивалась Маруся на ферме, все лучше и лучше шли ее дела. Бригадиру только и оставалось, что радоваться за молодую свинаруку.

— Зря я тебе вначале не доверял, — признался он однажды, — думал, не справишься. А ты вон какая напористая, даже старые свинарки завидуют.

И высказал предложение:

— Принимай, Маруся, основных свиноматок. Никого лучше тебя для этого дела не подберешь.

Через год не узнать было Марусю — подросла, окрепла и расцвела. Многие из ребят заглядывались на нее, любовались ее светлыми, живыми глазами и рассуждали меж собой:

— Свинарка в наше время, конечно, не ахти какой великий человек. Но Маруся—девушка особенная, с чистым сердцем.

А меж тем в свиарник все чаще стал наведываться ветеринарный техник Василий Петров. Парень он был молодой, грамотный и, как думалось Марусе, болеющий душой за совхозные дела. Приходил он и советовал молодой свинарке:

— Следи, Маруся, чтобы поросята на цементном полу на спали. Простудятся — легочниками станут.

Или так:

— Ты, Маша, окна в свиарнике только с одной стороны открывай, а с другой чтобы закрыты были. Хуже всего для поросят — это сквозняки.

Вначале Марусей называл, затем Машей, а после уже и Машенькой. Много интересного порассказал, много наобещал, поверила ему девушка, понадеялась на него...

В Михайловке играли свадьбу. Повеселевший Григорий Иванович то и дело подливал вина в стаканы, а жена Евгения Егоровна многозначительно посматривала на него: видишь, дескать, хоть и недоучкой осталась наша дочь, а ведь какого мужа себе нашла — техника!..

Была молодость, был душевный взлет, радостный и стремительный. Марусе казалось, что в жизни все просто и доступно, что счастье, вошедшее в ее дом, никогда не убудет, не расплескается. И вот, поди ж ты, как все обернулось нехорошей стороной — года два спустя после свадьбы Василий высказал то, чему и названия не подберешь:

— С тобой и поговорить-то не о чем, со свинаркой. И женился на другой, в селе Чернаве.

— Лучше нашел, грамотнее, — не скрывали своего возмущения подруги Маруси.

Но сама Маруся стойко переносила эту обиду, ни слезинки не уронила, ни виду не подала.

Однако ж, как говорят в народе, беда в одиночку не ходит. Не успела молодая женщина успокоить свое оскорбленное сердце, как началась война. Мужчины ушли на фронт. Проводила Маруся и своего отца. Работать стало труднее, во всем почувствовалась нужда. А еще через некоторое время почтальон принес горькую весть — Григорий Иванович погиб в бою с немецкими захватчиками.

Тяжелая это была война, кровопролитная. Фронт требовал людей и оружия, одежду и продукты. А в тылу остались только старики, женщины да дети.

Маруся и ее подруги по ферме работали за двоих, за троих, не считаясь ни с какой усталостью.

И вот как-то присела Маруся на скамейку у большого чана, задумалась. Затем вздохнула и зло прошептала:

— Да будьте вы прокляты, все фашисты, какие есть на земле!

— Маруся, — слышался чей-то голос, — иди в контору, директор вызывает!

Разговор в конторе был непродолжительным. Маруся выходила из нее, думая о том, как бы успеть в этот

же день выехать по путевке и поступить на курсы трактористов.

Месяц учебы, и вот Маруся уже за рулем колесного трактора ХТЗ. Старенький трактор, капризный — руки отматаешь рукояткой, пока заведешь мотор. А надо заводить, надо, без этого нельзя! По всей стране создаются женские тракторные бригады, жены заменяют мужей-трактористов, сестры — братьев. Каждый вносит свой вклад в общее дело победы над врагом.

Не раз приходилось пахать на берегу речки Паники, тихо струящейся в порослях осоки. Сидела за рулем, слушала, как поет мотор, и в мыслях своих сама подпевала ему: «Гони свои воды, Паника, батюшке Дону гони, в нашей стране великой ты тоже ему сродни. Пусть эта река большая услышит такую весть, что в нашем Рязанском крае тоже герои есть».

И как-то радостней становилось на душе после этой песни. Хотелось работать и работать без усталости, сделать как можно больше, лишь бы приблизить победу над врагом.

Нелегко был этот трудовой путь молодой трактористки, а затем и бригадира тракторной бригады Марии Петровой. Женщина в замасленном комбинезоне механизатора не успевала даже замечать, как гаснет вечерняя заря и как разгорается утренняя.

И так четыре года, до тех пор, пока советские доблестные воины не водрузили знамя победы над рейхстагом. Сколько же за это время ей, простой русской женщине, довелось перепахать земли, на какой площади пробороновать ее и засеять, как много она сумела вырастить хлеба, картофеля, овощей. И не только в годы войны, но и еще несколько мирных лет Маруся не покидала руль трактора. Работала бригадиром механизаторов, отдавала делу, которое уже полюбила, все свои силы. Но чем дальше, тем чаще приходила мысль попроситься на ферму, уйти туда, откуда начала свой трудовой путь. «Вот появится человек, который может заменить, — думала она, — сразу напишу заявление».

Но передать бригаду механизаторов и пойти снова работать на ферму удалось через три года после войны.

Ферма почти ничем не изменилась — те же помещения, та же кормокухня и мало чем поубавилось трудности и работы. Уж слишком глубокие раны нанесла

стране война, чтобы можно было так быстро и основательно залечить их.

Вначале работала простой свиначкой, а затем год спустя возглавила бригаду. Дел и забот сразу же прибавилось. А тут еще и кормов было маловато. О коровьем же молоке для подсосных поросят и говорить не приходилось—коров было мало.

Правда, иногда кладовщик отпускал несколько литров, но это так мало, что свиначки высказывали обиду:

— Какое уж это молоко! Лучше без него обойдемся, чтобы душа не болела.

А как обойтись без коровьего молока? Того и смотри, что начнут поросята хиреть, таким подкормка обязательна.

— Послушайте, — высказала свиначкам Мария свою мысль, — не воспользоваться ли нам той овсянкой, которую мы получаем по кормовому рациону. Ведь мы, если признаться, неумело ее готовим и неумело скармливаем.

— А как нужно? — заинтересовались сестры Валя и Люба Просветовы.

— Слышала я от матери, да и от других пожилых колхозниц, что можно готовить овсяное «молоко».

— Овсяное? Разве есть такое? — засмеялись девушки. Но попытаться применить такое «молоко» все же согласились.

Однако на другой день выяснилось, что ни мать Марии, ни другие пожилые колхозницы не могли подробно рассказать, как готовить овсяное «молоко», они лишь советовали заливать овсянку водой.

Но Мария не отступала.

— Раз люди говорят, что где-то применяли такое «молоко», значит применяли. Надо попробовать и нам, — настаивала она.

Стали пробовать. Залили овсянку холодной водой — не разбухла. Залили горячей — получился кисель. А надо, чтобы получилось именно «молоко».

— Да бросьте вы эту затею! — не выдерживали девочки и начинали скармливать овсянку тем же манером, как и прежде, — сухую подмешивать в корм. Наконец догадались, что заливать следует не холодной и не горячей водой, а теплой и давать выстояться около часа, чтобы овсянка разбухла.

Казалось бы, главное найдено. Но и при этом встречались многие неожиданности. Кто-то из свинок приготовил раствор по всем правилам, но поставил его в ведре на отстой в самом жарком солнечном месте. Через час в ведре было уже не молоко, а какая-то серая клейкая масса.

Наконец Мария Григорьевна смогла определить самые верные правила приготовления «молока». Сейчас об этом вспоминает с улыбкой и рассказывает уже не свинок своей бригады, которые знают эти правила прекрасно, а экскурсантам:

— Можно взять полведра овсянки и полведра теплой воды, хорошо размешать и дать выстояться около часа при комнатной температуре воздуха. Затем разбухшую жижу вылить в решето и отжать. Отжимки скормите взрослым свиньям, а белую жижу, которую мы называем «молоком», добавляйте в кашу поросятам на десятый день после их рождения. Но чистое «молоко» не выпаивайте...

Вот, оказывается, как все просто!

И какой же получился замечательный результат! За три года — с 1957 по 1959 — совхоз вырастил свыше 26 800 поросят, сэкономив при этом более двух тысяч центнеров молока. В прошлом году экономия молока составила тысячу центнеров. Хороши показатели и нынешнего года: только за шесть с половиной месяцев совхоз получил десять тысяч поросят.

Вполне понятно, что такой приплод способствует успешному увеличению производства свинины. Совхоз уже в октябре отправил на приемный пункт 594 тонны мяса. А безмолочный метод выращивания поросят помог досрочно выполнить годовой план продажи молока государству.

Вначале некоторые совхозы, занимающиеся откормом свиней, опасались брать поросят на доразведение в совхозе «Большевик», Милославского района, где работает Мария Григорьевна Петрова, — кто, дескать, знает, какими они окажутся, эти поросята, выращенные без молока, может быть захиреют в дальнейшем. Но затем убедились, стали брать все более охотно. И не раз Мария Григорьевна слышала похвалу от представителей соседних совхозов:

— Добрые дела вершите вы на своей ферме. Ведь вы

поставляете таких поросят, которые очень хорошо развиваются и очень быстро растут. Спасибо вам!

— Да ведь у нас две бригады, которые занимаются репродукцией, — улыбалась в ответ Мария Григорьевна. — Моя подруга, бригадир Вера Тихоновна Воробьева, тоже выращивает поросят безмолочным методом. Благодарите также и ее...

Год 1961. Ранний июльский вечер. Чуть слышно журчит, переливаясь через серые камешки, речка Паника. Чуть слышно шелестит своими длинными листьями и косматыми метелками высокорослая кукуруза. Где-то на берегу в осоке квакает лягушка и в маленьком озерке плескается заигравшаяся рыба. Тихий вечер, сумерки все надвигаются и надвигаются. Но с полей, не переставая, доносится гул тракторных и комбайновых моторов, по большаку, сверкая фарами, то и дело проходят автомашины, нагруженные отборным золотистым зерном нового урожая.

У открытого окна своей новой квартиры сидит Мария Григорьевна Петрова. Перед ней раскрытая газета. Женщина вдумчиво вчитывается в каждую строку:

«Построение коммунистического общества стало непосредственной практической задачей советского народа. Постепенное перерастание социализма в коммунизм — объективная закономерность; оно подготовлено всем предшествующим развитием советского социалистического общества».

Мария Григорьевна подняла голову, задумчиво посмотрела в окно. И как-то одна за другой стали вспоминаться картины прошлого и настоящего. Вот она, центральная усадьба совхоза. Еще не так давно здесь было лишь несколько домиков да чахлые деревца в сквере. А сейчас тут целый поселок, утопающий в зелени. Тот, кто не бывал здесь несколько лет, не узнает этих мест.

С железнодорожного полустанка Топиллы раздался глуховатый гудок тепловоза. В Чернаве, Богородицком и других окрестных селах загорелись яркие электрические огни.

Какие большие перемены! Казалось, что еще вчера милославские колхозники слышали о тепловозах и элект-

тровозах только по радио, да и то не во всех семьях. Ужинали при керосиновой лампе, читали газеты — тоже. А теперь, поди ж ты, какая везде благодать! Даже на улицах повешали электрические фонари.

Да и само хозяйство совхоза во многом и во многом изменилось. Раньше коров почти не было, а теперь их стало пятьсот, одних свиней на фермах насчитывается свыше тринадцати тысяч. Расширились посевы кукурузы, сахарной свеклы, картофеля, началась распашка залежей и малопродуктивных лугов, о чем два года назад даже и не мечталось.

А техники сколько в совхозе! Ведь только тракторов более пятидесяти. Новое, передовое стало властно вторгаться в жизнь. Года четыре назад Мария Григорьевна стала внедрять метод безмолочного выращивания поросят и от души радовалась, что этим самым снижает себестоимость свинины. А теперь? Сколько нового теперь на фермах колхозов и совхозов! Появились доильные площадки типа «елочка», широко внедряется метод беспривязного и бесстаночного содержания скота, на всех свиноводческих фермах вводится полная механизация приготовления и раздачи кормов. Да вот хотя бы в своем же совхозе, в отделении «МЮД» молодые свинарки Раиса Журавлева, Нина Филькина и Паша Аксенова только за восемь месяцев откормили и отправили государству свыше 4000 свиней живым весом более 3500 центнеров. А не будь механизации на ферме, о таком откорме нельзя было вести и речи.

А ведь таких, как Раиса и ее подруги, сейчас повсюду много.

Но и сама Мария Григорьевна не остановилась на первых своих успехах. Задумала перевести поросят в летний лагерь, в дубовый лесок, добилась, чтобы для них были механизированы подача воды и приготовление кормов, а вблизи лагеря имелись посевы свеклы, картофеля и других культур специально на корм. И как же стали хорошо расти поросята!

Многое вспомнилось в этот вечер Марии Григорьевне. Вспомнились и подруги, с которыми проработала не один год. Вот они, сестры Валя и Люба Просветовы. Пришли на ферму девчонками, рукавами носы утирали, а сейчас посмотри на них—городскими назовешь. И грамотные, и в работе опытные, и за словом в карман не

полезут. А Люба Зайцева, а Тамара Широкова, а Мария Ускова! О всех, кроме доброго, ничего не скажешь.

Вспомнила и свое детство.

— В школу тебе? — спрашивала тогда мать. — Сиди уж дома.

И сидела с Танюшкой да Ваней, варила кулеш, чистила картошку.

А ныне в знатные люди вышла, Героєм Социалистического Труда стала. Многому училась сама, на своем опыте, многому училась у старших и, как могла, учила тех, кто шел рядом. И каждый день, преодолевая все трудности и препятствия, по зернышку, по крупичкам собирала свой вклад в общую народную чашу благополучия. Это и называется трудовым героизмом.

Все было хорошо и в своей семье. Сестра Татьяна стала работать тоже на ферме, а брат Иван — шофером. Недавно матери купили новый дом, кирпичный, с садиком. Да и сама Мария Григорьевна живет в новом доме на центральной усадьбе совхоза.

И во всем этом помогли партия, Советская власть.

На небе золотистый серп месяца. Он плывет над совхозом, над маленькой деревенькой Михайловкой и речкой Паникой.

По радио передавались последние известия. Всюду, во всех уголках земного шара, все люди доброй воли с глубоким чувством удовлетворения и восторга восприняли Программу Коммунистической партии Советского Союза.

«И во Франции, где я недавно была в составе советской делегации, — подумала Мария Григорьевна, — простые люди читают этот исторический документ и завидуют нашим успехам и нашему будущему».

Вспомнилась поездка и в Чехословакию, тоже в составе советской делегации. Никогда не забыть, с какой сердечной теплотой встречали тогда своих гостей чехословацкие друзья. Сколько было душевных, искренних разговоров! И в каждой беседе такой проходила одна мысль, — не уставая, бороться за мир на земле, за счастье всех простых людей.

Мария Григорьевна уезжала домой с подарками.

Провожая ее, чехословацкие друзья просили чаще бывать у них в гостях.

— Приезжайте и вы к нам,—приглашала Мария Григорьевна.—Пусть еще больше укрепляется наша дружба на страх врагам социалистического лагеря...

— В такое время, как наше, надо вечно быть молодым, — тихо проговорила она и снова посмотрела в окно, свободно и глубоко вздохнула, чему-то улыбнувшись.

А недалеко, за деревней Михайловкой, серебрится в осоке речка Паника, маленькая, впадающая в тихий Дон, воспетый Михаилом Шолоховым. И сдается, что не такая уж тихая эта река Дон, а, напротив, бурливая, беспокойная, много повидавшая на своем веку, пронесшая свои воды не только через сотни верст, но и через века, годы сражений и битв. Тихий ли он, если на всем его протяжении, от истока до устья, если на правом и левом берегах его, на всей советской земле живут и трудятся такие беспокойные люди, как Мария Григорьевна Петрова, и если каждая речушка, впадая в него, приносит новые и новые вести о славных трудовых делах строителей коммунизма!

Бурлив Дон, счастлив и радостен, как сама жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Михаил МАТЮШИН.</i> Впередсмотрящий	5
<i>Михаил САРАТОВСКИЙ.</i> Человек украшает землю	15
<i>Анатолий ПРОКОФЬЕВ.</i> На страже здоровья	31
<i>Василий НОВИКОВ.</i> Просто рабочий	41
<i>Виктор ЖИВЕТЬЕВ.</i> Глубокие корни	48
<i>Николай РОДИН.</i> Дело его жизни	60
<i>Александр ЧУВАКИН, Борис ЖАВОРОНКОВ.</i> Жизнь обгоняет мечту	71
<i>Александр СМИРНОВ.</i> Сказка становится былью	86
<i>Евгений СОЛОВЦОВ.</i> Беспокойная юность	96
<i>Михаил МАТЮШИН.</i> Огни над Окой	104
<i>Виктор ЖИВЕТЬЕВ.</i> Подвиг в труде	114

ГЕРОИ НАШИХ ДНЕЙ

Очерки

Редактор А. И. Чувакин
Художник С. В. Чугунов
Техн. редактор Н. Г. Азовкин
Корректор С. И. Капранова

Рязанское книжное издательство, Рязань, ул. Ленина, 35

Сдано в набор 16/X—1961 г.   Подписано в печать 28/XI—1961 г.
НБ03549   Формат бумаги 84×108 $\frac{1}{32}$ Печ. л. 4
Усл. печ. л. 6,56   Уч.-изд. л. 6,795   Тираж 4000
Заказ 5997   Цена 20 коп.

Типография Рязанского областного управления культуры
Рязань, Советская пл., 21

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы о сборнике очерков и свои пожелания присылать по адресу: Рязань, улица Ленина, 35, Рязанское книжное издательство.

Цена 20 коп.

**РЯЗАНСКОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1961**